

СЕРГЕЙ КОКОРИН

СОЛДАТСКОЕ СЧАСТЬЕ

Курган 2025

ББК 84(2Рос=Рус)6
К 59

Сергей Кокорин. Солдатское счастье. Курган: ООО «Типография Дамми», 2024 - 128 с.

В книгу «Солдатское счастье» зауральского писателя Сергея Кокорина вошли очерки и рассказы о Великой Отечественной войне. Все рассказы основаны на реальных событиях и воспоминаниях рядовых и командиров, участников той войны: моряков и лётчиков, пехотинцев, танкистов, пулемётчиков, разведчиков и партизан.

Наследники славы своих отцов и дедов сегодня дают отпор укрофашистским и натовским формированиям на западных рубежах нашей Родины. О них тоже можно прочесть в этой книге.

ISBN

© Кокорин С.А., 2024
© ООО «Типография Дамми», 2024

**80-летию Победы
в Великой Отечественной войне
посвящается**

Я изучал неровности Земли –
Горизонталы на километровке.
Придавленный огнём артподготовки,
Я носом их пропахивал в пыли.
Я пулемёт на гору поднимал.
Её и налегке не одолеешь.
Последний шаг. И всё. И околеешь...
А всё-таки мы взяли перевал!

И. Деген

ВЫСОТА ВАСИНА

Георгий Михалыч, придя из клуба, пиджак с орденами снимать не стал, а сразу прошёл на кухню и кликнул внука, что гостил у него. Лёвка недавно закончил институт и работал в областном центре на заводе.

– Давай, внучок, ради праздника по рюмочке... Помянем моих фронтовых товарищей. Достань-ка там, в холодильнике...

Лёва отложил книгу, он, собственно, и приехал сегодня к деду для того, чтобы поздравить с праздником. Достал из холодильника любимую дедову настойку и сразу заварил крепкий чай.

Сидели до самого вечера. Георгий Михалыч внука видел редко, пытался расспросить, как дела, но Лёва разговор всё время переводил на военное прошлое Георгия Михалыча. Знал, что старику будет приятно. Вот и сейчас, дед спросил его про военные сборы, а он в ответ ему вопрос:

– Дед, а тебе когда лейтенанта присвоили?

– Так сразу, как в разведке отвоевался. Мы тогда поиск удачный провели. Двух фрицев приволокли: гауптмана и унтера. А я был младшим лейтенантом в должности командира взвода разведки. Но поскольку операция была на контроле в разведотделе дивизии, поиск возглавил сам. И ранение получил тогда, и звёздочку. А после госпиталя уже в разведку не попал – назначили командиром роты. Хорошо запомнилось, потому что сразу Васину высоту пришлось отбивать у немцев..

– Интересное название – «Васина высота»...

– Это я её так называю, не помню уже, как на карте именовалась. Эту задачу мне комбат поставил сразу по прибытии, как только я роту принял.

– Что, одной ротой?

– Нет, не так. В общем, слушай. Прибыл я в штаб батальона. Представился. Комбат познакомил меня с командирами других рот. Он как раз совещание с ними закончил. Четвёртой ротой, куда меня направили командиром в штабе полка, временно командовал старшина Ручьёв, в годах уже. Собственно, как в годах... Мне-то тогда было как тебе сейчас, а Ручьёву лет сорок, так что он мне казался пожилым дядькой. Да тем более усы у него были шикарные, как у Будённого.

Комбат меня с обстановкой познакомил. Я что узнал, сразу на свою карту нанёс, которую мне в полку выдали, сунул её обратно в полевую сумку. Командир дал понять, что с прибытием пополнения из маршевых рот начнётся наступление, приказал изучать обстановку и готовиться.

– И по этой «занозе», лейтенант, – он ткнул карандашом в высоту на карте, – жду предложений к вечеру, крайний срок – завтра утром. Нельзя, чтобы она оставалась у немцев. Когда начнём наступление, немец отсюда может во фланги ударить. Так что думай, пока прямого приказа не получил. Потом думать некогда будет!

Через час мы с Ручьёвым отправились из батальонного блиндажа в расположение роты. Пока подкреплялись кашей с тушёнкой, я у старшины подробнее всё выспросил.

Когда наступление закончилось, и фронт встал, на участке нашего батальона осталась укреплённая высота, которую немцы смогли удержать.

– Выдохлись мы уже, – рассказывал Ручьёв, – в ротах треть состава осталась. С ходу пытались взять, да только те, кто прорвался в траншею, все там и полегли в рукопашной. В том числе командир роты и политрук.

Мы с Ручьёвым обошли наши позиции, передвигаясь по траншеям, осмотрели пулемётные точки, батарею миномётчиков, со всеми командирами взводов поговорили.

Долго смотрели в стереотрубу на немецкие позиции. Старшина комментировал:

– Наблюдатели докладывали, вчера фрицы удлиняли траншеи, вроде как новые огневые точки оборудовали, по всей видимости, подкрепление к ним пошло. Огонь вдруг стали чаще открывать, значит, пристрелку целей с новых точек ведут. Боятся они эту высоту потерять...

Ещё бы... Этот холм представлял из себя целый укрепрай-

он. От немецких блиндажей кое-где поднимались дымки. Иногда из траншеи боевого охранения раздавалась короткая очередь дежурного пулемёта. Я по привычке детально рассматривал каждую складку на местности.

– Видите, старшина, чуть левее, на середине между нашей траншеей и немцами небольшая волна, как бы бугорок вытянутый. Ни на какие мысли не наводит?

– Чего там наводить... За ней только зайцы могут спрятаться. Впрочем, вам, разведчикам, виднее.

– Складка, вроде, и мелкая, но на ней растительность... Надо будет обмозговать. А раз новые точки появились, значит, разведка нужна.

– Вот это верно, товарищ лейтенант! Сунуться сейчас вслепую, только последних бойцов положить...

– Значит так, старшина, остаётесь за командира, я к комбату.

Связавшись с комбатом по телефону, взял верховую лошадь и сразу выехал. По прибытии доложил новую обстановку и свои предложения:

– Рядовой язык ничего не скажет, товарищ майор. Нужна разведка боем, засечь огневые точки и обязательно взять контрольных пленных. А на сегодняшний момент в роте семьдесят бойцов. Это вместе с пулемётными и минометными расчётами. Если я их подниму в атаку, роты больше не будет. Немцы получили подкрепление. Сколько их там, с каким вооружением, мы не знаем. Товарищ майор, прошу усиления для проведения операции!

Комбат только крикнул, возразить было нечего, и приказал мне возвращаться в роту, сказал, что свяжется с командованием. К утру в роту прибыли машины. Командир полка проникся и командировал нам в помощь усиленный разведвзвод капитана Васина. Кто такой Васин, я тогда не знал, и вот довелось познакомиться.

Старшина Ручьёв сиял, как медный пятак, мой авторитет в его газах поднялся:

– Как же это вам, товарищ лейтенант, удалось? Это ж такие бойцы, такие бойцы... Это же цепные псы, а не бойцы!

Флотский лейтенант Василий Васин воевал с первого дня войны. Сначала на корабле, а потом, когда экипажи стали снимать – в морской пехоте. Его товарищи моряки – кто погиб, кто был возвращён на флот, а он и его друг старшина Давыдов, которого он по-флотски называл мичманом, так и остались в разведке. Имея талант командира и разведчика, требовательный к себе и к подчинённым и, что самое удивительное, к начальникам, он, в звании дослужившись до капитана, в должности оставался командиром разведвзвода уже целый год. За это время ему удалось подобрать личный состав такой, что взвод стал незаменимым подразделением не только в разведывательно-диверсионных, но и в других операциях, где иные подразделения могли столкнуться с непреодолимыми трудностями.

Проведя с Васиним целый день в подготовке, мы познакомились и, как разведчики, нашли общий язык. Бойцы его были вооружены немецкими автоматами, у всех ножи и пистолеты, несколько

ручных пулемётов. Гранаты в эту операцию брали с собой только наступательные по несколько штук на человека. Обратил внимание, что сапёрные лопатки заточены, как ножи. В моём разведвзводе это не практиковалось. По их сноровке было видно, что бойцы бывалые и тренированные. Заметив, что я с интересом наблюдаю за его личным составом, Васин похвастался:

– Что, лейтенант, нравятся мои орлы?

– Нравятся, – ответил я и подумал, что по росту, экипировке и хваткам это не орлы, а скорее, волкодавы.

Капитан Васин согласился со мной, что бросок в траншею охранения лучше сделать от ложбины, пусть даже это и рискованно. От нашей траншеи до немецкой было метров сто-сто десять.

– От траншеи мои бойцы пробегут секунд тридцать-сорок. Многовато. Если не проспит немчуря – включат пулемёты. От ложбины – пятнадцать секунд. Гарантировано не успеют среагировать, – говорил капитан.

– А если, заметят, пока вдоль ложбины ползёте?

– А если заметят, сразу начинаем атаку. Другого не дано.

Вечером в моём блиндаже было тесно от командиров. На столе лежала карта с нашими пометками. Я ставил за-

дачи каждому подразделению.

– За час до рассвета, по команде, взвод капитана Васина скрытно выдвигается к ложбине и оттуда, молча, без шума, бросок в траншею охранения. Уничтожают немцев, берут одного-двух пленных и сразу обратно. По выявленным огневым точкам ведут огонь наши станковые пулемёты и миномётная батарея. Моя рота из траншеи активно поддерживает огонь. Одно отделение, командир старший сержант Пухов, с тремя РПД* (ручной пулемёт Дегтярёва) также заранее, до рассвета, незаметно ползком по руслу ручья выдвигается на левый фланг. С началом атаки разведчиков открывает пулемётный огонь, имитирует атаку. На правом фланге третья рота тоже демонстрирует атаку. Если нет вопросов, на этом всё! Командирам разойтись по подразделениям, инструктировать бойцов, проверить оружие, боекомплект. Комбат прибудет на КП роты в три часа и примет командование. О готовности всем доложить ему. Вперёд, товарищи!

Все разошлись по траншеям. К прибытию командира батальона всё было готово. Отделение старшего сержанта Пухова с вещмешками, набитыми под завязку пулемётными дисками уже выдвинулось: им предстояло ползти по руслу ручья почти час.

Я зашёл в блиндаж к разведчикам. Они не спеша собирались. Капитан Васин в свежем подворотничке сидел за столом, сосредоточенно курил, изредка бросая замечания своим бойцам:

– Не стесняемся, попрыгали! Проверить, чтобы ничего не брякнуло!

Когда я выходил, сказал мне:

– Не беспокойся, лейтенант, всё будет в лучшем виде! Не впервой...

На КП уже были подведены телефонные линии от шта-

ба полка. Комбат прибыл, нервно курил у стереотрубы. Моя рота, положив пулемёты и ППШ на бруствер, замерла, вглядываясь в темноту. Комбат глянул на часы, кивнул Васину, разведчики растворились в темноте, слившись с перекопанной снарядами землёй.

Комбат видел в стереотрубу, как через несколько минут от ложбины оторвались тени, бесшумно и стремительно бросились к траншее охранения. Тявкнул и тут же заткнулся пулемёт. Раздались хлопки гранат. На секунду всё смолкло. Слышался из траншеи мат, тупые удары, хриплые вздохи – шёл рукопашный бой. Проснулась первая линия немцев, застучали пулемёты, захлопали одиночные выстрелы. Но по ним уже работали наши миномётчики и отделение Пухова с пулемётами.

Вдруг комбат, страшно матерясь, оторвался от трубы:

– Что они творят, что творят?! Что этот капитан совсем на хрен башку потерял?!

Оказывается, наши разведчики из окопа охранения рванулись в первую траншею немцев, забрасывая их гранатами и падая под пулемётными очередями.

Майор резко командует:

– Лейтенант, поднимай роту! Побьют их всех! Вперёд, вперёд!

Я хватаю свой ППШ и ору благим матом:

– Рота, вперёд! В атаку!

Рота нестройной цепью выкатывается из траншеи и бежит на холм. Я бегу тоже, продолжая подгонять бойцов:

– Вперёд! Вперёд!

Мне страшно от мысли, что взвод Васина может погибнуть.

Наши миномёты замолчали, опасаясь поразить своих. Комбат тут же миномётные расчёты бросил в атаку вслед за нами. Слева Пухов сообразил, что имитация кончилась,

отделение рвануло к немецким позициям, расчёты РПД вели огонь на ходу.

А там уже рвались гранаты, трещали автоматные очереди, разведвзвод врукопашную разбирался с первой траншеей и с блиндажами. Я перепрыгнул через заваленный трупами окоп боевого охранения немцев, а в первой траншее уже всё шло к концу – бойцы добивали оставшихся немцев, забрасывали гранатами помещения блиндажей. Наши ротные пулемётчики, не дожидаясь команды, катили свои «максимы» на холм. С правого фланга слышалось «Ура!» третьей роты, а слева густая пулемётная стрельба отделения Пухова.

И немцы дрогнули! Они начали вначале организованно, огрызаясь огнём, отходить из второй траншеи к своим соседним позициям. С того опорного пункта уже летели немецкие мины. Однако восходящее за нашими спинами солнце сыграло с ними злую шутку: в чистом поле в свете разгоравшегося дня фрицы оказались перед нами как вши на ладони. Вовремя подоспевшие «максимы» грамотно поработали – живым почти никто не ушёл.

В траншеях уже действовал санинструктор с санитарами. Я вместе с комбатом и телефонистом подыскивал подходящий блиндаж для размещения КП роты. Там меня и нашёл мичман Давыдов.

– Похоронили мы, товарищ лейтенант, нашего командира, здесь на холме... Убили его ещё там, внизу, в окопе охранения. Ну, ребята и озверели. У меня тоже румпель заклинило на «полный вперёд»... Смотрю, в плен взять некого, я и повёл их дальше. Ты это, лейтенант, скажи, чтоб разведчиков похоронили отдельно, там ещё наших семеро... А нам пора уходить.

И разведка уехала, захватив с собой своих раненых. Мичман мне на память оставил немецкий автомат MP-40:

– Держи, лейтенант, пригодится. Это нашего командира автомат.

А я приказал на могиле Васина сделать пирамидку из снарядных ящиков с деревянной звездой.

Немцы, конечно, не смирились с потерей высоты и продолжали попытки её вернуть. А к нам через два дня прибыло пополнение – сто пятьдесят человек необстрелянной молодёжи. И я, распределяя их по взводам, ещё раз мысленно благодарил бойцов Васина, ведь если бы я брал сотку с этими новобранцами, потерь было бы втрое больше. Поскольку у меня политрука в роте по-прежнему не было, я построил их и произнёс короткую речь:

– Здесь похоронен капитан Василий Васин, – показал я рукой в сторону могилы. – Он воевал с первого дня войны, но отдал жизнь за эту высоту, сохранив ваши жизни, чтобы из этих дотов не стреляли по вам. Пока фронт не перейдёт в наступление, немцы не оставят попыток отбить эти блиндажи, поэтому приказываю: «Стоять насмерть!» Торжественно обещаю: того, кто сделает хоть шаг назад без приказа, пристрелю лично!

Вот так вдохновил я новобранцев на подвиг. Васину высоту, конечно, мы не отдали. А вскоре началось большое наступление, и наша высота здорово помогла при развёртывании ударных бригад. А потом меня представили к старшему лейтенанту. Так что в звании лейтенанта мне пришлось побыть недолго, – закончил Георгий Михалыч.

Лёвка молчал под впечатлением дедова рассказа. Оказывается, дед получил лейтенантское звание также, как и он после сборов, в двадцать три года. Также, как и он... А какая разная судьба.

СТАРАЯ МЕДАЛЬ

День Победы в семье Тельмановых был самый святой праздник, впрочем, как и в тысячах советских семей. У Сани отец был фронтовик – Иван Александрович Тельманов. В Великую Отечественную погибли два его брата. Старший брат мамы, Василий, был в сорок первом под Москвой тяжело ранен, скончался в госпитале. Так что, было кого помянуть и что вспомнить этой семье девятого мая.

Они пришли с митинга всей семьёй как раз к обеду. Дома была одна мама. Она уже накрывала на стол. Четырёхлетний Дима Тельманов, в отцовском голубом берете, подбежал к столу и схватил яблоко. Ольга немедленно отобрала у сына фрукт и велела идти мыть руки.

Через несколько минут все сидели за столом. Кроме Сашиных и Олиных родителей в гостях был ещё двоюродный брат Ивана Александровича – дядя Яша, приехавший в гости из деревни. Тоже фронтовик. Только отличался он от городских родственников тем, что костюм у него был старинного фасона. Такие костюмы носили лет двадцать назад. И наград на груди у него было поменьше.

Ольгин отец не воевал, но тоже был с наградами. Он всегда много рассказывал о том, как работал на оборонном заводе с тринадцати лет, и как тяжело было их семье после войны. Потому что из мужиков в семье он только один остался.

Саня в этот день ничего не рассказывал. Только внимательно слушал представителей старшего поколения. Но он помнил, как их полк прибыл в Афган. В небе было тесно от военно-транспортных самолётов. Они заходили на аэродром «каруселью». А уже через сутки, пройдя через весь Кабул, встали заслоном на дороге в ущелье. Как раз в ту ночь наши штурмовали дворец Амина. А десантники пере-

крыли дорогу техникой и рыли окопы...

Из всех присутствующих мужчин за столом о войне ничего не знал только Димка, а потому ко всем приставал со своими «почему?».

После третьего тоста разговор пошёл уже совсем непринуждённый и, как-то сам собой, разделился надвое: женщины обсуждали свои темы, мужчины говорили о своём. Димка сидел на коленях у мужиков и с интересом разглядывал награды, трогая пальчиком ленты и металл. Спросил у дяди Яши:

– А почему у тебя эта медаль такая грязная?

Саня вмешался:

– Не грязная, Дима, а старая. Эту медаль дядя Яша ещё во время войны получил. Она даже старше меня.

– Как это, старше тебя? Она что, вперёд тебя родилась?

Все обратили внимание на потемневшую медаль «За отвагу».

– Яков, а ведь это, наверное, твоя первая награда, а? – спросил Иван Александрович. – Расскажи молодёжи, за что?

Дядя Яша замотал головой, стал отнекиваться. Тогда Иван Александрович предложил выпить за боевых друзей Якова. Выпили.

– Ну, а про своих боевых друзей, Яша, грех не вспомнить!

Яков сдался под натиском энергичного родственника и стал рассказывать.

– Призвали меня в сорок втором. Попал на пулемётные курсы вместе с земляком Федькой Уховым. Из одной деревни мы были, а когда на «двойки» делили, мы с ним и оказались. После курсов, когда в часть прибыли, определили в пулемётный расчёт. Старшим был сержант Суханов

Сергей Ильич. Пулемёт у нас был станковый «Максим». «Самоварами» их ещё дразнили за водяное охлаждение. Наш сержант нам с Федькой тогда казался старым воякой, хоть и старше нас был года на четыре, не больше. В армии он служил с тридцать девятого года. Солдат был опытный и храбрости отчаянной. Лихой, словом, мужик. Ну, а мы то, с Федькой из военной науки только и знали, как правильно портянки заворачивать. Оно, конечно, учили нас, как пулемёт разобрать-собрать, как пулемётную ячейку выкопать. Но учебных стрельб было мало, патронов-то и на фронте не хватало. Три патрона нам давали на неподвижную мишень, да двенадцать – по движущейся. Вот и вся стрельба.

Отступали мы тогда. А это произошло аккуратно после приказа Верховного «Ни шагу назад!». Полк готовился к обороне, укреплялся. Поставили несколько пулемётных точек прикрывать направление вероятной атаки немцев. А наша – самая передовая. Позиция, надо сказать, была удачная. Слева лес с буреломом непроходимый, справа болото. Мы на высоточке, между нами и болотом полоска ячменя, небранная. Вот из-за этого ячменя мы в герои и попали.

Лежим с вечера не жрамши, а солнце уже ко второму вечеру клонится. Сутки почти прошли. Вода есть, сухарей нету. Вот и стали мы просить Сергея Ильича:

– Товарищ сержант, разрешите – до поля! Налуцим зерна. Пожурём, всё кишкам легче будет.

Суханов нам:

– А если немец пойдёт, сыны крестьянские? – сам-то он из Челябинска родом был, пролетарий чистокровный. – Чего делать тогда будете? Тут ведь не близко!

– Да мы мигом, товарищ сержант, ведь день уже проходит!

Согласился сержант.

– Только быстро давайте! – Ему, видать, тоже само-

крутки от голода сосать надоело.

Только мы до поля добрались, к нему связной прибежал и передал приказ отходить на новые позиции. Ну, он подтвердил, понятно, а сам нас ждёт. Мы с Федькой, может с час проваландались. Пришли полные пилотки и карманы ячменя. А он ругается:

– Соблазнили вы меня, мать вашу крестьянскую, этим ячменём, как Адама яблоком. Быстро всё бросайте! Боезапас и станок в руки и айда наших догонять!

Потом встал во весь рост и спокойным уже голосом говорит:

– Отставить! Немцы, ребята. К бою!

Тут у меня и оборвалось всё внутри. Надо же так, из-за какого-то ячменя, погибнуть! А Сергей Ильич спокойно продолжает командовать. Мы суетимся, он подбадривает, шутит ещё. Постепенно мы с Федькой успокоились, но руки всё-таки трясутся.

Немцы уже совсем близко. Идут колонной, числом до батальона. Переговариваются. Головами крутят. Автоматы на шеях. Руки на автоматах сверху. Суханов говорит:

– Вона, как идут! Разведка, видать, доложила, что наши отошли.

– Товарищ сержант, стрелять же надо, – Федька ему.

– Молодец, боец! Спасибо, что напомнил, а то я с вашим ячменём забыл, для чего пулемёт нам даден. Не бойтесь, сынки, они здесь ещё ни разу не проходили. Не было такого в истории.

Подпустил он их шагов на сто. И тут мы впервые увидели, какое страшное оружие – станковый «Максим» при опытном пулемётчике. Надо сказать, что этот пулемёт создаёт по фронту метров тридцать непроходимой зоны для пехоты.

Федька ленту поправляет, я другие подаю. Бьёт Суха-

нов и кричит:

– Куда вы, фрицы? Там же дальше Волга – утоните! Там же Урал – не пройдёте! Упокойтесь здесь с миром! Мать вашу так-перетак!

Немцы залегли. Стали рассредотачиваться

ползком. А они из нашего гнезда – как на ладони. Сержант их и ползучих достаёт. Поднялись они и в атаку. Куда там! Суханов их как литовочкой срезал. Человек десять попробовали нас слева обойти. Сергей Ильич туда перенёс огонь и из десяти пятеро остались лежать. Поползли все обратно. Суханов огонь не прекращает. Патронов не жалеет. Фрицам, наверное, показалось, что у нас не один пулемёт, а два. Дважды они пробовали бегом отступить, и дважды ложились. Наверное, с километр ползли, ей богу!

Солнышко уже за лесом скрылось.

– Бойцы гляньте, примерно, сколько мертвяков валяется!

Мы с Федькой штук тридцать насчитали, плохо уже было видно. Суханов говорит:

– Значит сорок, да ещё раненые. Берём пулемёт. Остальное всё бросаем. Бегом вперёд, за нашими! Да выбросьте ячмень из карманов, крестьянские дети! Чтоб ни одного зёрнышка!

Сергей Ильич пулемётный ствол себе на плечо, нам с Федькой на двоих одна станина с колёсами досталась – коробки-то пустые с лентами оставили – мы её по очереди на плечах тащим, за Сухановым еле поспеваем.

Пока бежали Ильич нас инструктировал:

– Кто бы что ни спросил... Почему по приказу не отступили? У вас должен быть один ответ – сержант приказал, я то есть. Вникли? Про ячмень молчать, не то трибунал всем троим, а то и без трибунала шлёпнут. Показательно! Вникли?

Мы с Федькой, конечно, вникли. Ночью нашли свою роту. Бой они слышали. Нас уже считали погибшими. Патроны то все вышли, да и по времени.

Ротный повел нас в палатку

к комбату. Тот спрашивает:

– Суханов, тебе передали приказ об отходе?

– Так точно!

– Почему не отошёл?

– Заметил немцев на прикрываемом направлении и движение в лесу. Боялся что не успеем и «Максим» немцам достанется. Решил принять бой. Около сорока убитых. Примерно столько же раненых. В расчёте потерь нет.

Командир не успел ничего сказать, как зашёл особист. Оглядел всех внимательно с головы до ног и тоже спрашивает:

– Сержант, почему не выполнили приказ?

Суханов вытянулся по стойке смирно, стал ещё выше, глядит вверх его фуражки и слова чеканит:

– Никак нет! Приказ выполнил!

– Какой ты приказ выполнил?!

– Приказ товарища Сталина «Ни шагу назад»!

Мы с Федькой замерли и смотрим на особиста. Тот губы трубочкой вытянул, шумно ноздрями воздух втянул, а

желваки на щеках так и ходят. А комбат:

– В бою с нашим пулемётным расчетом противник потерял восемьдесят человек убитыми и ранеными! Буду представлять сержанта Суханова к ордену, бойцов к медалям.

Суханов:

– Служу трудовому народу! Разрешите идти?

И пошли мы сразу к полевой кухне. Потому что снова почувствовали, как кишки сводит.

Дядя Яша зацепил вилкой кильку в томате, давая понять, что рассказ окончен.

– А как дальше судьба сложилась у этого сержанта? – спросил Иван Александрович.

– Два ордена Славы, кроме прочих. Уже в Польше представили к третьему, да не получилось.

– Он что, погиб?

– Да нет, ему уже лейтенанта присвоили, а орден-то солдатский. Он к тому времени разведвзводом командовал.

Дядя Яша закончил рассказ про свою медаль, и все выпили за сержанта Суханова Сергея Ильича.

СЕКРЕТНАЯ АТАКА

В тот день мы возвращались домой рано. Работы на току было мало и заведующий зерноскладом разрешил во вторую смену не оставаться.

Нас трое – студентов политехнического института – Игорь Спиридонов, Серёга Калинин и я. Мы уже закончили третий курс, и это наша последняя поездка в колхоз на уборку урожая, потому что после четвертого курса – военные сборы, государственный экзамен по военной подготовке, а там и диплом не за горами.

Жили мы на квартире у дяди Гриши. Григория Пантелеевича Мохова. Ему ещё нет шестидесяти, но он пенсионер, инвалид войны. Левой ноги у него нет. Живёт один, жена умерла давно. Но рядом, в соседях, живут дочь с зятем и внуками. Приходят часто, помогают.

Мы через двор проходим прямо в огород. Там бочка с водой, из которой мы умываемся, раздеваясь до пояса. Вода прохладная, но мы с удовольствием смываем с себя бархатную пыль зерносклада. Ужинали мы в колхозной столовой, а дядя Гриша каждый день угощал нас чаем и рассказами о деревенской жизни.

Вошли в дом.

– Добрый вечер, дядя Гриша! Как день прошёл? – Серёга из нас самый общительный. Он панибратски хлопывает хозяина по плечу.

– А чего день? Прошёл и прошёл. А за вечер говорить рано, он только начинается.

Дядя Гриша взял костыли, вскочил с лавки и вперёд нас зашёл в горницу, где стояли наши койки и круглый стол под розовым абажуром, которых не продают в магазинах уже лет двадцать.

– Проходите, студенты! Тут Татьяна нам чаёк накрыла.

– Ого! – отреагировал Серёга, увидев сервировку стола. Обычно к чаю был только сахар да чашка белых сухарей. А сегодня в центре стола стояла бутылка вина. Нарезаны огурчики, помидорчики, тарелка с салом. Бесцеремонный Серёга взял бутылку, стал разглядывать этикетку с видом знатока:

– «Спотыкач». Молдвинпром. – Не пил такого!

– А мы и так знаем, что ты ничего кроме плодово-ягодного за углом не пил, – засмеялся Толик, – дядя Гриша, у тебя день рождения, что ли?

– Ну, не день рождения, а всё равно праздник – «День танкиста» сегодня. В календарь-то не смотрите, студенты?

– Так вы танкист?

– Был танкист, да весь вышел. А праздник остался.

– А почему на стене ни одной фотографии боевой нету?

– Есть и фотографии, – дядя Гриша подошёл к комоду. Достал из него альбом. Положил на стол. – Давайте, давайте! Садитесь!

Григорий Пантелеич быстренько разлил «Спотыкач» в четыре гранёные стопки. Видно старик давно уже ждал вечера. Мы, перебивая друг друга, поздравили ветерана с Днём танкиста. Получилось что-то вроде тоста. Все громко чокнулись.

– Будем здоровы! – сказал дядя Гриша. Выпил до дна. Стал жевать сало железными зубами.

Я открыл альбом. Сверху лежала фотография – совсем молоденький паренёк в комбезе со шлемофоном в руке около «тридцатьчетвёрки».

– Дядя Гриша – это ты, что ли?

– Что? Не похож?

– Трудно узнать.

– Девятнадцать лет мне было. Полгода ещё только провоевал. Фотографы тогда к нам заезжали. Из воен-

ных-то она одна у меня осталась.

Я перевернул фотографию, на обратной стороне расплывшимися чернилами было написано: «1943 г. Секретная атака».

– А почему тут

надпись такая – «секретная атака»?

– Для памяти подписал...

– А атака- то секретная почему? Расскажи!

– Расскажу. Давай разлей ребятам и меня не забудь!

Дядя Гриша заставил всех выпить по второй рюмке и начал рассказывать:

– Вот скажите мне, будущие офицеры, сколько машин в танковой бригаде? Наверно думаете, что бригады всегда были больше полков? А вот в нашей бригаде было всего тридцать танков Т-34 и командовал бригадой капитан Крутов. Вся история с этой атакой началась в тот день, когда ему майора присвоили.

Наша танковая бригада вместе с артполком была придана стрелковой дивизии. Комдивом был полковник Плахов. Поставил он Крутову задачу – с рассветом атаковать немецкие позиции, прощупать оборону и отойти, как только огневые точки фашистов проявятся. Танковая разведка боем, в общем.

Крутов со своим заместителем – старшим лейтенантом Ивановым – часа три над картами колдовали. Просмотрели всё, что им разведка дала. Мы все были уверены, что задачу выполним и командира не подведём. Он у нас был мужик башковитый и решительный.

Ну, а майора-то ведь, всё-таки, присвоили. Нашли мы спирту. Вечером обмыли его звёздочку. И он с нами, конечно. Да, видать, вымотанные все были, и со спиртом переборщили. Уснули все мертвецким сном. И даже дежурный паренёк, который почти не пил, и тот уснул.

Утром с командного пункта полковник наблюдает. Вот – четыре ноль ноль. Сейчас танкисты будут атаковать. Четыре ноль пять, четыре десять – нет атаки! Полковник требует связь. Нет связи! Комдив в гневе посылает к танкистам своих офицеров. Через десять минут в наше расположение влетает машина комдива. В ней три старших офицера. Видят – танки стоят без движения, танкисты спят, на столах в палатке остатки спирта, сухарей и консервов. Они ожидали увидеть всё что угодно, только не это.

Старший выхватывает пистолет, стреляет в воздух.

– Подъём, сукины дети! Всех под трибунал отдам!

Другие двое тоже кричат страшными голосами, пинают нас спящих и грозят всеми карами:

– Командиров расстрелять на месте! Весь личный состав бригады в штафбат!

Мы спросонья, понять не можем – то ли немцы нас атакуют, то ли воздушный налёт. Однако быстро хватаем шлемофоны, планшетки, автоматы и по машинам. А командирский танк уже выдвигается, выбрасывая чёрный дым непрогретого дизеля.

Остальные машины за ним, не успевая развернуться по фронту. Так «немецкой свиньёй» – тупым клином – по немцам с ходу и ударили. Крутов с Ивановым не зря над картами колдовали – атака пришлась в слабое место фашистской обороны. Но огонь немцы открыли, хотя и неожиданной для них была эта атака, ещё больше, чем для нас. Один танк с экипажем мы потеряли. А командир бригады был контужен. Рикошетом в его танк снаряд угодил.

Ну, а поскольку команды на возвращение никто не давал, так и прошли мы, как нож сквозь масло, через две линии фашистской обороны, а третьей, оказывается, и не было вовсе. Разда-

вили мы их обозников и дальше в тылы. По пути две встречные автоколонны расстреляли. Командование на себя старший лейтенант Иванов взял.

Крутов, то придёт в себя, то снова сознание теряет. Живым бы довести. Да и самим бы выбраться. Свернули на лесную дорогу. В лесу остановились. Но всё-таки боимся, что нас немецкие штурмовики обнаружат.

Старший лейтенант опять карты достал.

– Недалеко, – говорит, – деревня. В неё одна нормальная дорога. Эту дорогу, в случае атаки противника, запретить можно. Зато с другой стороны только танки и пройдут. Значит туда, если

что, выскочить можно. Дождёмся ночи и будем обратно прорываться, иначе топлива не хватит.

Двинулись мы по лесу в эту деревню. Прошли колонной по улице. Она там одна была. Ёлки зелёные! Немецкие танки! В рядок стоят. А на полянке человек двадцать фрицев бегают, в футбол играют. Они даже на шум наших моторов не отреагировали. Видимо, думали – свои идут. Развернулись мы к бою. Кого гусеницами подавили, кого курсовыми пулемётами положили. Часть немцев забежала в избу, на которой фашистский флаг болтался. Видимо, там была рация и оружие, что-то вроде штаба. Мы несколькими

выстрелами разнесли этот штаб в щепки. Потом наши, кто попроворнее, взяли ППШ и прошлись по хатам – никого, ни немцев, ни жителей. Брошенная была деревня.

Командира нашего на палатку под дерево положили. Воды дали – в себя пришёл. Велел Иванова позвать. Тот доложил ему обстановку.

Крутов приказал десять наших механиков за рычаги немецких танков посадить, а свои танки пусть командиры ведут. Как стемнеет – немецкие танки вперёд, наши за ними, и к линии фронта. А на головной немецкий танк велел флаг со свастикой прикрепить. Прошли мы под таким прикрытием до линии фронта и, перед рассветом, с боем вышли к своим. И десять немецких танков Т- IV привели.

А там уже полковник Плахов стреляться хотел. Ему как рассказали его помощники, что пьяных танкистов в танки пинками и пистолетами затолкали и к фашистам в гости отправили, он поседел сразу. А к ночи, когда танковая бригада не вернулась, он стал подумывать, как достойно уйти из жизни, потому что за то, что он фрицам за просто так «скормил» танковую бригаду, меньше расстрела всё равно не дадут.

Ну, а когда мы вернулись, да ещё с трофеями, Плахов Крутова обнимал и со слезами на глазах говорил:

– Расстрелял бы я тебя, майор, честное слово! Но как я тогда объясню, откуда эти немецкие танки взялись!

А про атаку эту нам велели не болтать. Вот и написал я на карточке, что она «секретная».

Мы с дядей Гришей потом десять лет переписывались. Я даже ему звонил, когда узнал, что ему дома телефон поставили. А умер он через несколько дней после сорокапятилетия Победы. Мы с Серёгой на девятый день приезжали. Без Игоря – тот уже к тому времени погиб в Афганистане.

СУДЬБА ФРОНТОВОГО РАЗВЕДЧИКА

*(отрывок из повести
«Житейские хроники Бори Брусника»)*

...Однако возвращаюсь к нашему походу в гости к Дяде. Его мастерская была на краю посёлка, куда ходу было минут пятнадцать. Пока шли, я узнал от друзей, что Дядя действительно четверть века провёл на зоне. Провоевав всю Великую Отечественную, в самом конце войны застрелил офицера и получил двадцать пять лет лагерей. Срок отбыл полностью – по таким статьям не реабилитировали.

В мастерской стоял устойчивый запах дешёвых папирос, дёгтя и прочих сапожных мазей. Примешивался к ним и другой запах, как я потом понял – чифира, крепкого и чёрного, как тот же дёготь, чая. Вместе с тем была чистота почти идеальная и порядок – всё лежало по полочкам так, как будто весь инструмент, обувь, приёмники и утюги только что разложили заботливой рукой. Хозяин сидел за рабочим столом и в ответ на наши приветствия, только кивнул головой, прищурившись – то ли от солнечных лучей, попавших в открытую дверь, то ли от едкого дыма папироски, словно приклеенной в уголке рта.

На вид ему можно было дать от пятидесяти до семидесяти лет. Изрезанное морщинами лицо здорово старило, но глаза смотрели пронзительно и неулыбчиво. Глаза не улыбались даже тогда, когда Дядя показывал свои железные зубы, обозначая хорошее настроение. В плохом же настроении его взгляд был жёстким и пронизывающим. Казалось, что он знает про тебя всё, даже то, что ты сам ещё не успел узнать. Суровый взор нашего начальника военной кафедры полковника Соколова по сравнению с этим прищуром казался улыбкой Моны Лизы.

Серёга, между тем, распаковал тюк. Оказалось, что там было разобранное кресло. Он быстро его собрал и сам же в него уселся, похлопав по подлокотникам:

– Вот, комендант списал, да прибрать не успел! – прокомментировал, видимо для меня, законность перемещения «ничейного» кресла из студенческого общежития в хижину Дяди.

Тот наш визит затянулся на гораздо большее время, чем мы рассчитывали. Хозяин оказался интереснейшим человеком и собеседником. Разговорить правда его было трудно. Но усилия стоили того. Заходил я потом к нему не один раз и провёл за беседами многие часы. В то время я жадно интересовался военной жизнью старшего поколения и готов был часами с Дядей «травить баланду», в ожидании, что он разоткровенничается и расскажет что-нибудь из фронтовой жизни. И иногда он рассказывал:

– Было это в сорок третьем. Наш полк готовился форсировать реку. Но потом получили приказ скрытно перейти на другую позицию. А как скрытно? Значит, убедить противника, что мы никуда не ушли, а остались тут же. Ввести в заблуждение немцев приказали старшему лейтенанту Крылову, а с ним в группе был я и сержант Реутов Николай – на год меня старше был.

Вечером, когда стемнело, последним снялся наш батальон. А мы втроём остались на всей бывшей диспозиции поддерживать костры, создавать характерный шум, наводить тень на плетень и всячески изображать, что здесь мы, и никуда не денемся. Ночь была напряжённой. Оказывается, не так просто изображать присутствие целой части, да ещё и готовящейся к форсированию. Главное было – не перестараться. У немцев разведка тоже работала. Но с задачей справились – Крылов был организатор великолепный. Когда наступило утро, фрицы увидели, что наших войск на

противоположном берегу нет. А когда, спустя считанные часы, началось форсирование на другом участке, они туда орудия перебросить не успели. А мы со старлеем успели. Он и в бою сумел отличиться. После этой операции представили Крылова к Звезде Героя. Ну и нас с Реутовым не забыли: обоих – к Красной Звезде.

Но самое интересное произошло потом. Во время передышки между боями комдив, у которого Крылов в любимчиках ходил, дал ему машину – в ближайший город съездить, отметить, так сказать, Звезду Героя Советского Союза. Ну, тот нас с Реутовым взял. Погуляли мы славно и к вечеру поехали в часть. Тут-то и приключилось событие, которое всю мою жизнь направило по другой колее. Да и не только мою.

Возвращались торопясь. Из города почти уже выехали, а на одном из поворотов навстречу нам выскочил «Виллис» какого-то полковника. Тоже на приличной скорости, и прямо нам в лоб. Очнулся я в санчасти. Со мной ничего, кроме сотрясения мозга. С ребятами тоже ничего серьезного, а полковник – насмерть, и шофёр его покалечился.

Чтобы бучу после этой аварии загасить, комдив нас растолкал по другим подразделениям. Наград, ещё не вручённых, нас, понятно, лишили. Так я оказался в разведке, сначала в полковой, а потом меня в дивизионную перевели.

Вместе со мной в разведвзвод прибыло ещё пополнение, и несколько человек из штрафроты. Кроме того, командир сменился. Может отчасти поэтому, а может, потому что срочное задание было, только меня сразу включили в группу поиска. Языка, то есть, взять надо было. Всего отобрали тринадцать человек. Старшина, как узнал, сколько человек идут в поиск, сразу заметил, что добром это дело не кончится...

Время для выхода выбрали, когда немцы харчевались, думали – они отвлекутся и будут не такие внимательные.

Мне вместо автомата ППШ дали ППС, он компактнее. Взял я с собой две лимонки, нож. Пистолета тогда у меня не было. Это потом я семизарядным «вальтером» обзавёлся — он удобнее «парабеллума», про «ТТ» я уж не говорю. У «вальтера» однорядный магазин, рукоятка тоньше, очень хорошо лежит в руке.

Командиром группы был старший сержант Картузов. Ребята его Кепой звали. Он нас поделил на две группы: прикрытия и захвата. До первой немецкой траншеи добрались незамеченными — повезло. Картузов принял решение идти дальше, потому что пропажа солдата из первой линии обороны обнаруживается быстро, боялся, что немцы сразу нас огнём отсекут и на нейтралке всех кончат.

Первые, кто достигли немецкой траншеи, обеспечивали прикрытие с флангов, а потом, когда вся группа проходила дальше, смотрели, чтобы в окопе не осталось много осыпавшейся земли с бруствера. Потом мы долго блудили в ночи, но никого не находили: ни землянки, ни избы, ни одной повозки. Попытались найти провод связи, чтобы перерезать, а потом захватить связиста, которого пошлют. Но бесполезно — темнота, хоть глаз выколи. И тут заметили — огонёк мелькнул, на него мы и поползли. Как потом оказалось, это открывали дверь в блиндаж командного пункта роты.

С Картузовым в этот блиндаж пошли я и ещё один разведчик — Дронов. Меня старший взял, потому что я немного немецкий знал. Но он совершил одну ошибку — группа прикрытия расположилась вокруг блиндажа, а в траншею человека не поставили — она была глубокая, в полный рост. Оставшиеся нас прикрывать просто не видели, кто ходит по этой траншее. Часового у двери не было, и мы ворвались внутрь. Там оказались два солдата, один спал, а у второго к уху была привязана трубка телефона. Сержант кричит: «Хенде хох!» Подняли их пинкарями, они трясутся, оружие

их мы бросили в угол. Запомнилось, что в блиндаже было светло, горела газовая лампа и ещё, вроде, лампочка от аккумулятора.

Картузов их быстро спрашивает, я перевожу, как могу и одновременно финкой пытаюсь перерезать телефонный провод. А у меня не получается – он стальной. И тут, к нашему изумлению, в блиндаже нарисовались три немца: офицер и два унтера. Они прошли по этой глубокой траншее, и наша группа прикрытия их не заметила. Пару секунд, застыв, мы смотрели друг на друга... У меня-то нож в руках вместо автомата, а Картузов дёрнулся, но немецкий офицер успел выстрелить из пистолета, попал ему в плечо, и тот упал. Я растерялся, к нам подскочили, отобрали у нас с Дроновым оружие, по башке мне дали так, что вся жизнь перед глазами пролетела, успел подумать: «Вот и закончилась служба в разведке...» Этот обер-лейтенант взял трубку телефона, наверное, чтобы сообщить, что захвачена русская разведка. Однако, видно, почуял что-то и приказал одному солдату выйти из блиндажа. Но когда немец выходил, то буквально в дверях его ударом в лоб уложил один из нашей группы прикрытия, бывший морячок из штрафроты.

Матрос влетает в блиндаж, немецкий офицер хотел было в него выстрелить, но Дронов рядом стоял, успел врезать ему по руке. Моряк влупил очередь почти в упор и положил всех немцев, кроме одного. Причем этот унтер начал упираться, падла, и не хотел идти с нами. А я уже очухался и со злости прострелил ему руку. Тут же его перебинтовали, и он пошёл с нами, как шёлковый.

Матрос потом рассказывал: услышал шорох в траншее, потом открылась дверь, раздался выстрел и какой-то шум. Почуяв «алярм», он спрыгнул в траншею и столкнулся с немцем, который выходил из блиндажа.

Пошли обратно, а немцы уже все перекрыли... Кое-как

нашли место, где можно было перейти немецкий передний край. Передовая группа перебила пулеметный расчёт, дав нам возможность перейти траншею, но двое наших из группы прикрытия при этом были убиты... Мы ринулись на нейтральную территорию. Но «спираль Бруно» оказалась заминированной, и три разведчика, которые бежали первыми, погибли от взрыва... Через образовавшуюся брешь, фактически по их телам, мы вырвались оттуда и залегли в большой воронке на нейтральной полосе, метрах в ста пятидесяти от немецких позиций. И целый день до следующей ночи, в грязи, пришлось провести в ней, а ведь с нами был тяжелораненый Картузов. Он попросил: «Ребята, потеряю сознание, могу застонать. Заткните мне рот, как немцу!» Что делать, заткнули. Мало ли что? А следующей ночью морячок подполз к нашему переднему краю, и хотя его вначале обстреляли, но он на чистейшем матерном сумел объяснить, что это возвращается разведка, и мы вышли на участке соседей. Потом были десятки поисков, но этот первый лучше всего запомнился. Хотя нет, наверное, чаще снился другой. Но про тот и рассказывать не хочу.

Однако, мне было нестерпимо интересно слушать его рассказы. Ведь во время войны Дяде было столько же, сколько нам – девятнадцать лет. И у меня в животе холодело от того, что я представлял себя или своих товарищей на его месте. Однажды я спросил Дядю, что, дескать, с войны прошло четверть века и даже больше, а почему-то именно разведчики не любят рассказывать, как воевали. Как будто у них срок подписки о неразглашении не кончился. Он посмотрел на меня, как на придурка:

– Война, парень, вообще дело грязное и вонючее. А уж тем более разведка. Никаких приятных воспоминаний там быть не может. Кто ж будет светиться от счастья, рассказывая, как он глотки финкой пластал? Немцы ведь нас не

только хорошо воевать научили... Насмотрелись мы на их зверства, сами озверели.

Тем не менее, Дядю я однажды разговорил, и он рассказал мне ещё один случай.

– В дивизионной разведке мы в тылы к немцам дальше уходили. Бывало до пятнадцати, а то и до двадцати километров. Группа захвата была всего три-четыре человека. А иногда и два. Это уж по обстоятельствам. В тот раз я Минина взял и ещё двоих. Я тогда уже старшиной был. Так до конца в старшинах и проходил. Боялся, присвоят офицерское звание – после войны задержат с дембелем. Никита Минин – здоровый парень, бывший спортсмен. Гранату дальше всех кидал, метров за семьдесят. Особенно немецкую, она удобная, с длинной ручкой. За это получил погоняло – «Миномёт».

Редко нам приказывали конкретно взять офицера. А тут именно так. Подтвердить надо полученную информацию. Стало быть, требуется немец, обладающий обширными сведениями. Начальник разведотдела дивизии «напутствовал»: «Контрольный язык нужен до зарезу – офицер. Не возьмёте – не знаю, что с вами сделаю. Лучше сразу застрелитесь!»

Сутки мы готовились. Вели наблюдение за нейтралкой. Просчитывали варианты прохода через первую линию. Обговорили все детали взаимодействия в группе. Направление движения на отходе, подстраховка, условные сигналы. Изучили каждую складку рельефа, чтобы не было осечки при переходе туда и, особенно, при возвращении.

В группе прикрытия было восемь человек, в группе поиска – четверо. Причём прикрытие нас только провожало, в глубину тыла на поиск уходили вчетвером. В сорок четвёртом у нас были только немецкие автоматы. Они лёгкие. И немецкие пилотки с собой. В маскхалатах да в немецких

пилотках издалека нас за немцев можно было принять. А когда обратно переходили, наши пилотки надевали. Ножи были златоустовские, специально для разведчиков изготовленные. Очень удобные, с чёрной рукояткой и чёрными ножнами. Их так и называли – чёрные ножи.

Перешли переднюю линию на стыке частей. Там фронт прикрывался только опорными пунктами да патрулями. Если б не задание – только офицера, там уже могли взять одиночного мотоциклиста в засаде на дороге. Но ушли в глубину. К утру преодолели километров семнадцать. Подошли к деревеньке, где было активное движение. Как мы предположили, там располагался штаб какой-то резервной части. Самый ценный язык – штабной офицер. Ну, или разведчик. Но на немецкую разведку нарваться – себе дороже.

На рассвете присмотрели тропу, по которой пешие срезали дорогу, заходя в деревню. Там и устроили засаду. Вдоль тропы – идеальные заросли. Здесь я снова разделил группу: двое разведчиков – в прикрытие, а мы с Миномётом – в захват. Все мы были, в общем-то, головорезами, ломом подпоясанными, а он – особенно. У него семья под бомбёжкой погибла. Говорил: «Я живу, пока немцев убиваю. А дальше мне, хоть трава не расти». В разведке, наверное, по-другому нельзя. Ведь если не ты, то тебя. У нас вся война на короткой дистанции, поэтому раненых меньше, чем в пехоте. В основном – убитые.

Просидели в засаде весь день – идут немцы по одному, по два, но рядовые или унтера. Офицеры, видимо, умнее. На сомнительную тропу не суются даже днём. Я уж было затосковал, а тут из прикрытия маячат – идут двое. И один из них «наш»! Офицер. Мы голоса услышали, поняли, что офицер идёт с бабой. Она говорит по-русски, только изредка немецкие слова вставляет. Значит, не переводчица. Может, работает, а может так, офицерик бабёнку подцепил.

В это время из кустов мне Миномёт пальцами показывает, мол, немец с его стороны – он его брать будет, а мне бабу нужно нейтрализовать. Я, конечно, подтвердил. Тут уж не до сантиментов. Дело бы не сорвать. Убивать я её не собирался. Да и вообще ничего не думал, кроме главного. Если ей не заткнуть рот, она закричит. Женский голос слышно далеко, он резкий, визгливый, не то, что глуховатый мужской. Кроме того, на женский крик обязательно обратят внимание, ведь мужские выкрики на войне не в диковину. В общем, думал я автоматически и действовал на рефлексах. Выскочил бесшумно, как только она на метр прошла меня. Молодая, лет двадцать. Левой её захватил и рот зажал, как тисками, в правой – нож. А немец, майор, онемел, видно, от неожиданности. Он и не понял, кто на него напал. Пилотки-то на нас немецкие. Или неудобно ему при даме звать на помощь, молча, кобуру царапает, пытается пистолет достать. А время так долго тянется! По тому, как он ствол дёргает, для себя фиксирую – офицер не боевой. Миномёт всё мешкает. Вот майор уже свой парабеллум достаёт. Сейчас выстрелит, и вся группа погибла. Рефлексы разведчика работают иногда независимо от сознания. Нож на все двадцать сантиметров в грудь ей вогнал и атакую правую руку немца. И тут он мне в руки падает. Это Миномёт его вырубил ударом в спину, да так, что тот сознание потерял.

Упаковали его в секунды. Я приказал Минину тело девчонки убраться с тропы, чтобы было время у нас отойти подальше, пока хватится немчу-

ра своего офицера. Посмотрел я на неё: синее платье в горошек и волосы светлые. До сих пор запах её волос помню. Лет восемь мне этот поиск снился.

А потом уже и немца разглядели. Майор-то он майор, да интендантом, сволочь, оказался. Совсем настроение у нас испортилось. Ну, думаю, хрен с ним, приказ был взять офицера – взяли офицера. С остальным дома разберёмся. Здесь не на базаре – выбирать не дают. Немец в себя пришёл. Я объяснил, что если будет бежать быстро – останется живой, будет кобениться – зарежем. Он мне поверил сразу и даже не дёргался.

Ближе к рассвету вышли в точку возврата. Обстановка изменилась, но мы благополучно подошли к нашим окопам. Нас ждали, стали перекликаться. Уже к самым окопам подползли, и тут один из наших совершил ошибку. Когда осветительная ракета только погасла, нужно было немного выждать, а не кидаться сразу. Потому что когда ракета тухнет, то пулеметчик сразу дает очередь в темноту. Но он сразу поднялся на бруствер и тут же словил две пули. В окопе перевязали, но в санчасти он умер.

Как я и ожидал, по языку-интенданту вопросы ко мне появились. Первым пришёл наш политрук – капитан. И стал меня учить, каких надо офицеров захватывать. Слушал я его бредни, слушал. А потом и говорю: «Товарищ капитан, вы хорошо разбираетесь в тонкостях нашей работы. Я завтра же пойду к начальнику разведотдела и попрошу, чтобы в следующий раз вас назначили командиром группы поис-

ка». Он побледнел, и его как ветром сдуло. А потом, когда выяснилось, что наш интендант имел в приятелях много высокопоставленных офицеров и знал больше начальника штаба, то к нам все вопросы отпали.

Также, исподволь, в продолжительных беседах я узнал, за что Дядя заработал свой срок за несколько дней до окончания войны – защищая своего друга Никиту-Миномёта, который добрым отношением к немецкому населению не отличался. Тогда уже действовал приказ о борьбе с насилием и мародёрством. И один капитан совсем уж было решил показательно расстрелять на месте разведчика Минина, который имел три ордена за поиск. Но карманный «вальтер» Дяди оказался быстрее, и поехал он по этапу, благодаря своим молниеносным «рефлексам разведчика»...

ДУПЛЕТ МИНЁРА МИХАЛЬЧЕНКО

Немецкий патруль в ночи был замечен издали из-за фонарей в руках солдат. Как только они прошли, минёры сразу же оказались у рельсов, быстро и бесшумно, ни один камешек не покотился из-под ног. Группа прикрытия до боли в глазах вглядывалась в темноту. Несколько минут, и отошли, растягивая провод. Тут же прогремел взрыв. А диверсанты уже бежали, склонившись до земли и петляя между пеньков. Через минуту их укрыл ночной лес...

Партизанский отряд Родиона Медведева не насчитывал и сотни человек. Командиром Медведев слыл опытным, ему было немного за сорок, но повоевать успел и в гражданскую. Шёл сорок второй год, и партизанское движение с помощью центра становилось силой, с которой немцам приходилось считаться. Объединённый штаб партизанского движения не только координировал действия отрядов, но и, в отличие от сорок первого года, реально помогал взрывчаткой, рациями, и, самое главное, обученными людьми – минёрами и специалистами по вооружению. Медведев такому пополнению был рад, центр присылал людей надёжных. Те же, кто попадал в отряд самостоятельно, проходили тщательную проверку. Абы кого командир в отряд не брал.

Одним из таких был Василий Резанов, бывший ком взвода Красной армии, вышедший из окружения. Не один месяц наблюдал за ним Родион Сергеич, прежде, чем доверил ему подразделение разведки. А Нестор Михальченко – командир взрывников, был прислан штабом. Прежде не знакомые, они быстро сошлись, оба были молоды, хотя и разные по характеру. Задачи приходилось выполнять зачастую вместе, так что поневоле стали если не друзьями, то приятелями. В самом деле, какое минирование без развед-

ки, и зачем партизанская разведка, если она не заканчивается диверсией?

Рельсовая война набирала обороты, и люди Михальченко наматывали десятки километров с мешками взрывчатки за спиной. Особое внимание они уделяли той ветке, что проходила в их районе. Тактика была надёжна и отработана. Наблюдая за полотном, дожидались, когда проходил ночной патруль. Быстро выдвигались, закладывали под рельс заряд, растягивали шнур, проводили подрыв и скрывались. Риск был минимален, как минимален был и урон, наносимый такими диверсиями. Стандартная мина с двумястами граммами литого тротила выбивала кусок рельса сантиметров сорок. Но вскоре появлялась присланная немцами дрезина с рабочими, и через несколько часов движение поездов восстанавливалось.

Был на этом участке и железнодорожный мост, но он охранялся так, что силами медведевского отряда туда и соваться было нечего.

Маховик войны раскручивался, накал противостояния на фронтах нарастал и из штаба поступил приказ: подрывы осуществлять только под эшелонами с целью нанесения врагу большего урона и затруднения снабжения фронта, особенно в период проведения важнейших стратегических операций. Вместе с новыми указаниями прислали и новые мины, и к ним взрыватели.

Командир вызвал Нестора Михальченко и поставил задачу: ориентировать подрывников на новую тактику, проинструктировать, и следующий подрыв произвести под паровозом, чтобы эшелон ушёл под откос.

Взяв одного минёра в напарники и увеличив численность группы прикрытия, Нестор на дорогу пошёл сам. Придя в точку, не спеша осмотрелись. Железная дорога здесь делала поворот, после взрыва вагоны гарантированно сойдут с насыпи.

Кусты и лес вдоль дороги были вырублены, замаскироваться предстояло среди травы и пеньков, благо ночь была тёмная. Залегли, ожидая, когда пройдёт патруль. Показались фонарики. Два солдата прошли, негромко переговариваясь между собой. Низко пригибаясь, Михальченко с напарником бесшумно поднялись на насыпь. Отработанными движениями, не суетясь, но и не мешкая, вырыли углубление в балласте под рельсом, установили мину с нажимным взрывателем, тщательно замаскировали и также тихо отошли к группе прикрытия. Переведя дух, стали дожидаться немецкого эшелона. На фоне светлеющего на востоке неба показался очередной патруль. Силуэты солдат всё ближе. И тут Нестор пережил потрясение. Немцы шли с собакой! Овчарка на ослабленном поводке деловито шла рядом.

Не за себя Михальченко беспокоился. Партизаны были достаточно далеко. Собака их не учует, мимо них с наветренной стороны заяц прошмыгнул, их не заметив. Но – мина!.. Минёры затаили дыхание. Так и есть! Собака, повизгивая, села возле заряда. Проводник что-то сказал старшему патрулю. Тот внимательно оглядевшись, вынул нож и стал аккуратно разгрести балласт. Определив тип взрывателя, немец положил мину в сумку, висевшую на плече.

Патруль, ещё раз оглядевшись, продолжил путь, весело переговариваясь.

В подавленном состоянии диверсанты возвратились в отряд. Михальченко был чернее тучи. Доложив командиру в подробностях обстоятельства происшествия на рельсах, он спросил у Резанова:

– Сколько собак у немцев во взводе охраны на мосту?

– По сведениям нашего информатора собака одна. Как часто они её берут в патрулирование, не знаю. Но будь уверен, после изъятия твоей мины без собаки ходить не будут!

Командир разведчиков оказался прав. Ещё дважды выходил на дорогу Михальченко. Ещё дважды немцы находили его мины. Командир отряда крыл минёров последними словами. Штаб настойчиво требовал перерезать дорогу. С наступлением осенней распутицы значение её для немцев возрастало. Нестор почернел лицом и не спал ночами.

Когда Резанов со смешком сообщил, что связник передал слова местных полицаев про то, что немцам скоро некуда будет складывать партизанские мины, Михальченко чуть не подрался со своим приятелем. После чего Медведев вызвал их обоих в командирскую землянку и, не стесняясь в выражениях, приказал, чтобы завтра они ему доложили конкретный план эффективной диверсии.

– Привыкли работать по накатанной! – Распекал он разведчика и взрывника. – Вы же командиры, значит думать должны. Нестандартно мыслить! Напомнить вам, почему отряд Семёнова спасся? Потому что командир отряда нестандартно мыслил. Чутьё у него командирское есть. Всегда были сдвоенные патрули. А он по три человека поставил. А немцы не знали об этом! Не успели им, понимаешь, предатели-информаторы сообщить. И только поэтому отряд каратели не смогли уничтожить... Идите и думайте. Завтра утром докладывать будете нам с комиссаром!

Михальченко и Резанов ушли думать.

– Ну, Нестор, давай по порядку, – закурив, начал Василий Резанов. – Что мы имеем? А имеем мы то, что немцы знают, что мы нацелились на паровозы и у нас мины с нажимными взрывателями...

Было уже за полночь, когда они нащупали идею. Михальченко сразу хотел бежать к командиру, но Резанов его остановил:

– Подожди, Нестор, там же и комиссар будет. Знаешь, сколько вопросов всяких задаст? Давай, ещё раз, и всю операцию в деталях...

Не дождавшись рассвета, Михальченко, всё-таки, разбудил командира отряда.

– Чего тебе не спится? – ворчал Медведев. – Немецкая собачка приснилась? – подковырнул минёра командир, застёгивая ремень и поправляя гимнастёрку.

Услышав первые слова и уловив замысел, велел разбудить комиссара, позвать Резанова, и они вчетвером два часа совещались в командирской землянке.

– В общем, Родион Сергеич, – закончил Михальченко, надо ещё взрывчатки и мину, остальное всё есть. Устроим фашистам такой дуплет...

– Нет не всё, Нестор, пока ждём взрывчатку, надо людей подготовить. И ты, Резанов, начинай, занятия. И разведка, разведка, и ещё раз разведка, чтобы всё до мелочей...

Комиссар с командирами групп ушли, а Медведев стал думать дальше. Командир, он на то и командир, чтобы и думать, и видеть дальше подчинённых. Он не случайно вспомнил про отряд Семёнова – понимал, что его отряду тоже вскоре придётся менять дислокацию.

Всю следующую неделю группа разведки вела наблюдение за охраной моста и патрулями. Резанов знал точно, сколько немцев в соседнем селе и сколько в райцентре.

Ему же Медведев поручил провести инструктаж штурмовых групп, а сам с комиссаром прорабатывал план отхода в запасной лагерь. Наконец в отряд поступила взрывчатка в необходимом количестве и мина, что просил Михальченко. Устанавливать её, конечно, он пошёл сам.

Перед выходом зашёл к командиру. Получив последние инструкции, с минёром и группой прикрытия ушёл в ночь. Так же, как обычно, установив мину, отошли и замаскировались в подросшем кустарнике.

Патруль, конечно же, был с собакой. И она, конечно же, не пропустила мину. Изъяв установленный заряд, немцы продолжили патрулирование.

– Подавитесь вы, сволочи, нашими минами! – зло прошептал Нестор. Бойцы, не посвящённые во все детали операции, удивились спокойной реакции командира группы.

Когда вернулись в лагерь, там уже все были при деле: группа минёров паковала взрывчатку, все, кто мог носить оружие, были распределены по штурмовым группам, готовили к бою личное оружие, пулемёты и гранаты, хозгруппа готовила лагерь к походу.

Михальченко, наскоро перекусив и ни минуты не отдыхая, вновь собрал всех подрывников, разобрал схемы минирования железнодорожного моста, инструктировал старших в группах прикрытия. Медведев и Резанов собрали командиров штурмовых групп – настало время поставить задачу в деталях.

Наконец, стемнело. Более полусотни партизан, нагруженные под завязку, выдвинулись к железнодорожному мосту. Шли тяжело. Несли взрывчатку, боезапас, рацию, пять пулемётов, боезапас к личному оружию, пулемётные диски, гранаты. Хозгруппа вышла по другому, заранее обговорённому маршруту.

Наконец, подошли к реке, которую перекрывал ме-

таллический железнодородный мост, лежащий на двух каменных промежуточных быках. Охранялся он серьёзно. С одной стороны большой блиндаж с пулёмётными гнёздами, представлявший из

себя мощное сооружение из земли и брёвен в несколько накатов. Охрану моста нёс усиленный взвод во главе с унтером. По данным разведки, с другой стороны было укрепление поменьше с двумя пулёмётами. Парные патрули выслались в обе стороны от моста. Штаб давно выражал горячее желание взорвать этот мост, но осторожный Медведев не хотел рисковать отрядом – расчищенные от леса подступы, пулёмётные гнёзда и натасканная охрана исключали успешный исход такого предприятия.

Разведгруппа подала сигнал. Рассредоточившись, залегли, группы осматривали свои сектора. Михальченко то и дело смотрел на часы. Время тянулось страшно медленно. Курить хотелось, как никогда. Нервы были на пределе: «Сработает-не сработает?» Часовой механизм изъятой немцами мины был установлен на три ноль ноль...

Мощнейший взрыв потряс землю. Он был такой силы, что брёвна наката долетели почти до позиции партизан. Расчёт Нестора на то, что сдетонируют ранее снятые немецкими патрулями мины, оправдался. Не успела осесть вздыбленная взрывом земля, партизаны уже рванулись на мост. С другого конца застучали пулёмёты. Группы прикрития сосредоточили огонь на немецких пулёмётных точках. Один замолчал. Вскоре ухнули гранаты, замолчал и вто-

рой. Это зашли с тыла, посланные через речку Резановым разведчики.

Подрывники, действуя быстро и слаженно, как на учениях, заложили заряды в конструкцию моста. Вторая группа минёров

заложила противопехотные мины на подходах к мосту со стороны села.

– Мины не жалеть, ставить все! – Командовал Михальченко. – Тащить меньше – идти легче!

Медведев уже поторапливал. Со стороны села слышался шум моторов. Немецкий гарнизон проснулся.

– Всем отходить!

Мост рухнул. Пролёты оказались внизу. Взрывом разрушило не только надземную часть опор, но и фундаменты. В точности, как велел Медведев.

– Вот так, сволочи! Это вам не порванная рельса! – Михальченко торжествовал.

Партизаны отошли, оставив группу наблюдения. Резанов, взяв два десятка бойцов помоложе и два пулемёта, ушёл вперёд.

Через полчаса к взорванному мосту по лесной дороге подъехал бронетранспортёр в сопровождении мотоциклистов. Из броневика вышли майор и оберлейтенант, с ними несколько автоматчиков. Мотоциклисты заняли оборону, а офицеры с сопровождающими поднялись по насыпи к мосту. Едва приступили к осмотру последствий диверсии, как кто-то из них наступил на «противопехотку». От взрыва сдетонировали остальные заряды, которых не пожалел щедрый Михальченко. Из группы осмотра в живых не осталось

никого. Мотоциклисты, ошалев, били из пулемётов в белый свет, как в копеечку.

На обратном пути в село бронетранспортёр с мотоциклистами был уничтожен группой Резанова, которая

целый час дождалась их в засаде.

Командир разведчиков, догнав Михальченко, спросил:

– Ну как, Нестор? Доволен дуплетом?

– Так не дуплет же получился. Три взрыва-то было.

– Три ещё лучше. Бог троицу любит! Ты ведь хотел сперва на два ноль ноль, а потом на три часа мину взвёл. Аккурат вовремя. Господь сподобил?

– Не он, Медведев велел так выставить.

– Родион Сергеич любит с запасом жить.

Партизаны уходили, потеряв в ходе операции трёх человек убитыми и увозя четырёх раненых. Отряд Медведева подвергся жесточайшему преследованию, снятым с фронта эсэсовским батальоном, сменил до конца года дважды место базирования, но остался боеспособным. Уже весной Медведеву пришёл орден Красной Звезды. В документах на медали фамилий проставлено не было.

ЖЕНЩИНЫ И ВОЙНА

«Эх, бабы, бабы, несчастный вы народ! Мужикам война эта — как зайцу курево, а уж вам-то...»

Борис Васильев «А зори здесь тихие»

День Защитника Отечества в год Памяти и Славы прошёл особо торжественно, но как всегда, поздравляли в основном мужчин, иногда напоминая, что Отечество защищали и женщины. Их было много непосредственно на фронтах Великой Отечественной. Как ни странно, до сих пор никто неизвестно, сколько конкретно воевало женщин? Занимающиеся этим вопросом историки отмечают, что в разные периоды войны их было от 500 тысяч до 1 миллиона, некоторые называют цифру в 1,5 миллиона. Точной цифры не знает никто.

Согласно архивным данным всего за годы войны было призвано 490 235 женщин. Более всего их было направлено в части ПВО – 177 065 человек. Далее по убывающей: части НКВД, военно-санитарные, ВВС, связисты, повара, ВМФ, автомобильные и железнодорожные войска, школы снайперов и т.д.

Здесь нужно отметить, что эти данные говорят только о тех женщинах и девушках, которые служили в армии «официально». Было очень много добровольцев, которые попадали на фронт самостоятельно, зачастую скрыв свой возраст, состояние здоровья, семейное положение. Также нет данных о количестве женщин в партизанских отрядах, а их тоже было немало.

Можно привести ещё две цифры: среди женщин было более 70 тысяч офицеров, более 100 женщин были награждены Звездой Героя Советского Союза (большинство посмертно), в основном это лётчики и снайперы, были сре-

ди них разведчики и даже танкисты.

Однако сколько ни приво­ди статисти­ческих дан­ных, не да­дут они пред­ставле­ния о том, что при­шлось испы­тать на войне совет­ским жен­щинам и как нуж­но оце­нивать их ве­

ликий под­виг, как ниче­го не да­ёт ни уму, ни серд­цу расхо­жий штамп: «У войны не жен­ское ли­цо». Нет у войны ли­ца – ни жен­ского, ни муж­ского.

Лучше всего об этом рас­сказывают са­ми фронтовики, те, ко­му Бог дал ли­тератур­ный талант, воз­можность до­жить до По­бе­ды и рас­сказать нам в сво­их произ­веде­ниях об этой войне.

Борис Васи­льев к та­ковым и от­но­сится. Се­го­дня, на­верное, са­мое про­низитель­ное и яр­кое произ­веде­ние о жен­щинах на войне – его по­весть «А зори здесь тихие». Он как раз и пи­шет о тех, ко­го было боль­ше среди жен­щин на фрон­те – о де­вуш­ках-зе­нитчи­цах.

Эта по­весть, хо­тя и вы­зывает споры и про­тиво­речивые от­клики, впро­чем, как лю­бое за­метное ли­тератур­ное про­из­веде­ние, за­то стопро­центно вы­полняет глав­ную за­дачу – рас­сказывает правду о войне и спо­собствует вос­пита­нию па­триотизма, че­го не ска­жешь о мно­гих дру­гих произ­веде­ниях, вклю­чен­ных в школь­ную про­грамму.

Одно из «критических» мнений – ну вот, по­смотрите, сколь бес­полезен был жен­ский рат­ный труд на войне, как глупо по­гибли все пять де­вушек, ничем не по­могли сво­ему ко­ман­диру – стар­шине Ва­скову.

Действительно, Лиза Бричкина утонула в болоте, Соня Гурвич побежала за кисетом и нарвалась на немецкий дозор, Галя Четвертак, испугавшись, сорвалась с места и попала под автоматную очередь, Женя Комелькова уводила немцев от раненой подруги, а та застрелилась. И, наконец, про застрелившуюся Риту Осянину – дескать, что это за подвиг, самоубийц, мол, не отпевают и даже на кладбище не хоронят. Но это поверхностный взгляд тех, кто смотрит в книгу, а видит фигуру. На самом деле она застрелилась не потому, что впала в депрессию или не могла терпеть боль, она это сделала для того, чтобы не связывать руки своему командиру, не отвлекать его от выполнения главной задачи – не пропустить немцев. То есть она до конца осталась верна присяге – воевать «не щадя своей крови и самой жизни для достижения победы над врагом». Так поступил бы на её месте и подготовленный разведчик-диверсант. А потому и называется это другим словом – не самоубийство, а самоликвидация. Так ведь можно и Александра Матросова в самоубийцы записать. Но таких людей не только с почестями хоронят, но и памятники ставят и мемориальные доски открывают.

Теперь про это – «помогли, не помогли». Комелькова оглушила немца прикладом, когда он чуть не прикончил старшину. А Рита Осянина открыла огонь из немецкого автомата, когда у Васкова кончился магазин, и ему нужно было мгновение, чтобы перезарядить автомат. Насколько это было профессионально и вовремя, не удержусь, подтверждаю цитатой: «Лязгнул затвор его автомата, назад отскочив: патроны кончились. Боялся Васков этого мгновения: на перезарядку секунды шли, а сейчас секунды эти жизнью измерялись. Рванутся немцы на замолчавший автомат, проскочат десяток метров, что разделяли их, и — всё тогда. Хана.

Но не сунулись диверсанты. Голов даже не подняли, потому что прижал их второй автомат — Осяниной. Коротко била, прицельно, в упор и дала секундочку старшине. Ту секундочку, за которую потом до гробовой доски положено водкой поить».

Это о том, как воевали женщины на фронте. Если без статистики. А для тех, кто любит цифры, повторюсь: около ста Героев Советского Союза и сотни тысяч, награждённых орденами и медалями.

ДИВИЗИЯ «ЧЁРНЫХ НОЖЕЙ»

Чем дальше в историю уходят события Великой Отечественной войны, тем больше охотников переписать её историю, тем прочнее в наше сознание входят некоторые устоявшиеся взгляды, которые при внимательном изучении истории, оказываются основанными на мифах. Один из них: лишь внезапность нападения позволила армии вермахта достичь успеха в первый период войны. На самом деле внезапность – весомый фактор, но не решающий. Главная причина в том, что Красная Армия была в принципе не готова к войне, а фашистская Германия на тот момент располагала сильнейшей армией в мире. Можно привести только один пример: Франция была в состоянии войны с Германией с сентября 1939 года, а войска вермахта перешли границу Франции только 13 мая 1940 года. То есть никакой внезапности не было, тем не менее, немцы через месяц – 14 июня заняли Париж. Причина та же – французские войска были не готовы к войне с такой армией.

Советский Союз, в отличие от Французской республики, нашёл силы отбросить немцев от Москвы, армию Паулюса через год окружить под Сталинградом, а ещё через полгода под Курском окончательно похоронить надежды фашистов на «достойный» выход из войны. И не за счёт того, что врага «заваливали трупами», как утверждают «либер-историки», походя эксплуатируя другой мифологический штамп. А за счёт хорошо организованной работы тыла, достаточного производства боевой техники и подготовки для фронта настоящих специалистов, умеющих выполнять главную задачу солдата – эффективно уничтожать технику и живую силу противника.

Так вот, сперва о технике. Живуч миф о превосходстве немецкой конструкторской мысли и в частности танков Т-5

«Пантера» и Т-6 «Тигр». Да, германский «Тигр» подбивал Т-34 с расстояния в тысячу метров. Ну и что? «Тридцатчетвёрка», как машина для войны, превосходила его по многим параметрам. Во-первых – надёжность: Т-34 стал настоящим эталоном простоты в обслуживании и надёжности. Великолепная ремонтпригодность: зачастую танк ремонтировали прямо на поле боя, в условиях минимального набора запчастей. Это была практически неуничтожаемая машина. В начале войны, когда боевой техники не хватало, именно высокая ремонтпригодность имеющихся танков помогла остановить наступление немцев.

Во-вторых – скорость. Средний танк с противоснарядным бронированием не уступал в скорости лёгким машинам: 54 км/час по шоссе и 25 км/час по пресечённой местности. Это стало возможным благодаря дизелю «В-2» мощностью в 500 лошадиных сил (выпускался в Челябинске).

В-третьих – манёвренность. Норман Дейвис, профессор Оксфорда и автор книги «Европа в войне 1939-1945», писал: «Манёвренные советские Т-34 охотились стаями, как волки, что не давало шансов неповоротливым немецким «Тиграм».

В-четвёртых – дешевизна (что, правда, принесло и ряд минусов: теснота, плохая оптика), и именно она – низкая себестоимость позволила наладить массовый выпуск хороших машин и сделать их хозяевами на поле боя. Немецкий «Тигр» уступил по всем этим показателям, и Германия не смогла организовать достаточный выпуск этих машин, даже имея в своём распоряжении все заводы Европы. Значит, наш Михаил Кошкин (создатель Т-34) лучше понимал, чем Эрвин Адерс (конструктор «Тигра»), какая машина нужна, чтобы победить в «войне моторов». Об этом говорит также тот факт, что «Тигр» из-за сложности конструкторских решений поступал на фронт в комплекте с целой книгой инструкций.

Теперь, о «живой силе». Ещё пример – формирование Уральского добровольческого танкового корпуса. Он был сформирован в 1943 году и оснащён оружием и техникой, изготовленными трудящимися Свердловской, Челябинской и Молотовской областей (ныне – Пермский край) безвозмездным трудом, сверх плана, а также на добровольные взносы.

Заявление на службу в формируемом танковом корпусе подали 115 тысяч человек – жители Свердловской, Челябинской, Курганской, Молотовской (Пермской) областей. Реально же на службу в УДТК из этого числа добровольцев взяли только 9 660 человек. Не трудно догадаться, что при конкурсе 12 человек на место кадровый состав соединения был такого уровня, что «пушечным мясом» его не назовёшь. Кроме всего прочего, бойцы отлично знали материальную часть, ведь многие сами участвовали в производстве боевых машин.

К вооружению тоже подошли тщательно – учли, что, покидая повреждённую машину, экипаж зачастую был вынужден вступать в бой с пехотой противника. Автоматы ППШ для всего экипажа в тесном танке разместить было невозможно, а пистолеты в рукопашном бою оружие отнюдь не эффективное, поэтому всех бойцов корпуса от рядового до генерала вооружили ножами НА-40 («чёрные ножи»). Их специально изготовили на Златоустовском инструментальном комбинате. Эти короткие клинки с чёрными ножами и рукоятками в руках уральских танкистов внушали врагам страх и уважение. «Шварцмессер панцерн дивизион» – танковая дивизия «Чёрные ножи» – так назвала немецкая разведка Уральский корпус на Курской дуге летом 1943 года. Приданная корпусу пехота (танковый десант) экипировались стальными панцирями-нагрудниками СН-42 (прототип современного бронежилета).

История донесла до нас и характеристики, которые давали враги нашим танкистам: «Перед нами опять появились уральские черти. Мы слишком хорошо знаем их по прежним боям, они упорные и сражаются даже тогда, когда тяжело ранены», – написал в личных записках немецкий унтер-офицер Г. Берг.

За отличные боевые действия, героизм, мужество и отвагу уральских добровольцев Верховный главнокомандующий 27 (!) раз объявлял корпусу и частям благодарности. За время войны воинам корпуса было вручено 42 368 орденов и медалей, 27 солдат и сержантов стали полными кавалерами орденов Славы, 38-ми гвардейцам корпуса было присвоено звание Героя Советского Союза.

Через три месяца после ввода в бой частям корпуса приказом Народного комиссара обороны было присвоено наименование гвардейских и 18 ноября 1943 года в торжественной обстановке вручены гвардейские знамёна. В 1944 году корпус удостоен почётного звания «Львовский».

В архиве Министерства обороны хранятся списки танкистов-асов Уральского корпуса: 60 мастеров танкового боя уничтожили суммарно 901 бронеединицу вермахта. Среди них есть такие, на счету которых по 30 уничтоженных боевых машин.

Уральский добровольческий танковый корпус участвовал во многих наступательных операциях, среди них – Берлинская и Пражская. Закончил войну в Праге. Осенью 1945 года был переименован в 10-ю гвардейскую Уральско-Львовскую танковую дивизию.

До 1990 года Десятая гвардейская Уральско-Львовская Ордена Октябрьской революции Краснознаменная орденов Суворова и Кутузова Добровольческая танковая дивизия имени маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского дислоцировалась в Восточной Германии.

Была в Уральском добровольческом танковом корпусе
и своя песня:

«...В письмах пишем: «Воюем, как надо,
Ваш рабочий подарок хорош.
Ох, не любят фашистские гады
Наш уральский стальной чёрный нож!»

Знаменитый «шварцмессер» – легенда Великой Отечественной войны. Своим именем «черный» нож обязан отваге уральских танкистов.

Оснащение техникой, оружием и всем необходимым шло за счет выпуска сверхплановой продукции – такие обязательства взяли на себя трудовые коллективы, а также на личные сбережения населения.

Уральские танкисты

ТАНКОВАЯ БИТВА ПОД ПРОХОРОВКОЙ

В соответствии с операцией «Цитадель», спланированной гитлеровским командованием, немецкие войска должны были в течение четырёх дней окружить и уничтожить под Курском большую группировку советских войск. Знаменитые танковые дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», «Мёртвая голова», «Дас Райх» получили новейшие танки «Тигр» и «Пантера» с лобовой бронёй 100 мм и САУ «Фердинанд» с бронёй 200 мм.

Напутствуя своих офицеров-танкистов, руководитель СС Гиммлер заявил: «Здесь русские должны быть истреблены и как люди, и как военная сила. Они должны захлебнуться в собственной крови».

До сих пор военные историки и специалисты, и русские, и немецкие спорят о количестве участвовавших войск и бронеединиц в Курском сражении, о том кто же всё-таки имел превосходство на поле боя. Что ж, пусть спорят, мы твёрдо знаем одно – после Курска немецкая армия была в состоянии только отступать до самого Берлина, до полной капитуляции. Вот и весь ответ.

Курская битва длилась не четыре дня, как планировали гитлеровские маршалы, она шла с 5 июля по 23 августа. А самое крупное танковое сражение произошло 12 июля под Прохоровкой, в нём участвовало более 1000 боевых машин с обеих сторон. Это был жестокий встречный танковый бой, в котором обе стороны яростно атаковали на прохоровском направлении по обе стороны железной дороги Белгород-Прохоровка.

Утром 12 июля после короткой артиллерийской подготовки четыре корпуса 5-й гвардейской армии генерал-лейтенанта П.А. Ротмистрова начали наступление. Ещё раньше начала наступление немецкая танковая дивизия СС

«Мёртвая голова». При этом дивизии «Дас Райх» и «Адольф Гитлер» остались на занимаемых рубежах и приготовились к обороне. В результате на довольно небольшом участке фронта произошло лобовое столкновение ударных танковых группировок. При этом танковое сражение шло весь день и носило крайне ожесточённый характер. Потери советских танковых корпусов составили от 46 до 73 процентов. Причём основной урон нашим танкистам нанесла немецкая артиллерия, а вовсе не «Тигры» и «Пантеры».

Это из официальных сводок, а вот что вспоминают участники тех событий об этом страшном побоище. Заместитель начальника штаба 31-й танковой бригады Григорий Пенежко: « В памяти остались тяжёлые картины. Стоял такой грохот, что перепонки давило, кровь текла из ушей. Сплошной рёв моторов, лязганье металла, грохот, взрывы снарядов, дикий скрежет разрываемого железа... От выстрелов в упор сворачивало башни, скручивало орудия, лопалась броня, взрывались танки. От попаданий в топливные баки танки мгновенно вспыхивали. Открывались люки, экипажи пытались выбраться наружу. Я видел молодого лейтенанта, наполовину сгоревшего, повисшего на броне... Мы потеряли ощущение времени, не чувствовали ни жажды, ни зноя, ни даже ударов в тесноте танка. Одна мысль, одно стремление – пока жив, дерись, бей врага. Наши танкисты, покинув разбитые машины, искали на поле вражеские экипажи, оставшиеся без техники, били их из пистолетов, схватывались врукопашную. Помню капитана на броне подбитого «Тигра», он автоматом бил в исступлении по люку, пытаясь «выкурить» оттуда гитлеровцев. Отважно действовал командир танковой роты Черторижский. Он подбил вражеский «Тигр», но и сам был подбит. Выскочив из машины, экипаж потушил огонь, и снова пошли в бой...»

На одном из участков, нанеся чудовищной силы удар,

фашистские танки прорвали оборону. Наша артиллерия не смогла их остановить. И тогда против бронированной лавины пошли люди. Сняв сапоги и гимнастёрки, чтобы легче двигаться, бойцы со связками гранат ползли навстречу танкам. Швыряли гранаты под гусеницы. Подрывая танк, боец зачастую подрывал и себя.

Тяжёлый чёрный дым поднимался к небу. Земля содрогалась от взрывов. Механики-водители, нарушая устав, шли в атаку с открытыми люками, чтобы успеть выскочить из машины, если подожгут. Жарко было, как в аду.

«Тридцатьчетвёрки» стремительной атакой пронзили противника. Управление в передовых частях фашистов нарушилось. Боевые порядки смешались. Снаряды, посылаемые с коротких расстояний, рвали броню «Тигров». От прямого попадания машины с бензиновыми двигателями взрывались на полном ходу, тяжёлые башни отлетали на десятки метров. Из горящих машин выскакивали люди и катались по земле, сбивая с себя пламя. Потеряв машины, танкисты кидались на противника врукопашную. В ход шли ножи, монтировки, сапёрные лопаты...

Танки кружились, словно в гигантском водовороте. Ударяясь о броню, рикошетили снаряды. На куски рвались гусеницы, вылетали катки. Подбитых машин столько же, сколько «живых». Но и подбитые танки продолжали стрелять. Поле сражения было тесным для такой массы техники. Смешавшись в бою, войска уже не могли разойтись.

Наперерез «тридцатьчетвёрке» идут два «Тигра». Один выстрелил, потом другой... «Тридцатьчетвёрка», крутанувшись, спряталась за горящий танк. Немцы, уверенные, что она горит, повернули в сторону, подставив под удар борта. Выстрел! И «Тигр» горит...

Вспоминает командарм 5-й гвардейской танковой армии Ротмистров: «Второй батальон 18-го танкового корпуса

атаковала большая группа «Тигров». Командир батальона капитан П.А.Скрипкин умело организовал отражение атаки. Он лично подбил две вражеские машины. Поймав в перекрестье третий танк, офицер нажал спуск... Но в это время его машину тряхнуло, башня наполнилась дымом, танк загорелся. Механик-водитель старшина А.Николаев и радист А.Зырянов, спасая тяжелораненого комбата, вытащили его из танка и увидели, что прямо на них движется «Тигр». Зырянов укрыл капитана в воронке от снаряда, а Николаев и заряжающий Чернов, вскочив в свой пылающий танк, пошли на таран, с ходу врезавшись в стальную фашистскую громадину. Обе машины сгорели вместе с экипажами.

Батальон 25-й бригады, возглавляемый майором Г.А. Мясниковым, уничтожил три «Тигра», 8 средних танков, 6 самоходных орудий, 15 противотанковых пушек и более 300 фашистских автоматчиков. Примером для воинов служили решительные действия комбата, командиров рот старших лейтенантов А.Е. Пальчикова и Н.А. Мищенко. Машина Пальчикова была подбита – разрывом снаряда сорвало гусеницу. Экипаж выскочил из машины, пытаясь устранить повреждение, но сразу же из кустов их обстреляли фашистские автоматчики. Воины заняли оборону и отбили несколько атак гитлеровцев. В этом бою погиб Пальчиков, были тяжело ранены его товарищи. Лишь механик-водитель старшина И.Е.Сафронов, тоже раненый, мог ещё вести огонь. Укрываясь под танком, преодолевая боль, он отбивался от наседавших фашистов, пока не подоспела помощь».

А в воздухе над полем кружат в смертельной карусели сотни самолётов. Там тоже идёт бой. Осколки и пули сыплются с неба градом. Но хуже, когда падает горящий самолёт. Лётчики выбрасываются из подбитых машин, прямо в воздухе, повиснув на парашютах, стреляют друг в друга из пистолетов, приземляются то тут, то там. Гром орудий

– самоходки ахают так, что в ста метрах от них перепонки чуть не лопаются! – вой объятых пламенем самолётов, несущихся в последнем пике, грохот взрывов – всё слилось в единый страшный гул. По воспоминаниям очевидцев, гул был слышен за многие километры, а скопление самолётов в небе издали представлялось тучей. Солнце закрылось плотной взвесью пыли, песка и золы, стоял запах горелого, раскалённого металла и пороха. Сверху падали горящие обломки самолётов. Бойцы задыхались от тяжёлого, удушливого дыма, который стлался по полю, щипал глаза. Танки различались только по силуэтам. Над полем стоял грохот разрывов, гул моторов и скрежет сталкивающихся машин.

Из воспоминаний рядового Е.И. Филатова: «Танки шли лавиной. Сколько их было, не считали. Машины двигались по полю зигзагами, меняя направление. Чтобы сбить с толку наших артиллеристов, помешать им прицелиться... Рвались бомбы... Такой грохот стоял, что кровь текла из ушей».

А это воспоминания немецкого солдата: «Облака пыли сделали очень трудной помощь от люфтваффе, и вскоре множество Т-34 прорвались сквозь наши оборонительные сооружения и стаями устремились по всему полю битвы...».

На земле горят танки. Знойное июльское солнце скрылось за тучами пыли и чёрного дыма. Люди задыхаются от нехватки кислорода, глотки пересохли от жажды... Всё смешалось в одну кучу. С наблюдательного пункта не разобрать, где свои, где гитлеровские машины. О том, что происходит, можно догадаться только по улавливаемым радиостанцией приказам командиров: «Семёнов, вперёд!», «Орлов, заходи с фланга!», «Гюнтер, шнеллер!», «Ткаченко, прорывайся в тыл!», «Фирцейнте, форвардс!», «Действуй, как я!», «Нах линкс!». Команды дополняются многоэтажными злыми выражениями.

Кто-то из командиров на открытом «Виллисе» выехал

на поле сражения, чтобы корректировать по радиии... Артиллерия прекратила огонь, потому что боевые порядки смешались. Лётчики тоже не понимали, где свои, где чужие...

В этой битве уничтожили половину участвовавшей в сражении бронетехники. Цвет немецких танковых дивизий, что стянули с других фронтов, сгорел в полях под Курском. Не так гитлеровские военачальники планировали закончить это сражение. Нет, не так ... Уже 13 июля Гитлер приказал свернуть наступательную операцию «Цитадель». Это было первое летнее сражение, где немцы при благоприятных погодных условиях потерпели поражение. Если под Сталинградом вермахт проиграл битву, то на Курской дуге он проиграл войну.

Если судить по оперативным документам, по итогам сражения ни одной из сторон не удалось выполнить поставленных задач, однако при этом советским войскам удалось остановить наступление основной ударной группировки противника на Курск, 17 июля немецкое командование принимает решение отвести свои войска на исходные позиции. Третьего августа советские войска переходят в наступление на Харьков и Белгород.

Вот что говорит о Прохоровском сражении Валерий Николаевич Замулин – военный историк, кандидат наук, работавший директором Государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле»: «Двенадцатого июля 1943 года в ходе сражения был проведён фронтовой контрудар, основным содержанием которого стал бой корпуса СС и 5-й гвардейской танковой армии западнее Прохоровки. Цель – разгром корпуса СС – достигнута не была, потому что в тех условиях это сделать было невозможно... Тем не менее, результат танкового боя – это именно победа, а далеко не «боевая ничья», как считает, например, немецкий военный историк Карл Фризер. Сражение за Прохоров-

ку – это кульминационный момент Курской оборонительной операции, после которого напряжение боёв на юге Курского выступа резко спало. Советские войска в сражении за Прохоровку, безусловно, свою задачу решили, не допустив прорыва последнего рубежа обороны и нанеся противнику серьёзные потери».

И в завершение приведу одно признание историка-любителя из интернет-форума: «...Я тогда на радиоархивах 5-й армии сломался. Там девчонки-связистки сидели. Их 12 июля каждые 20 минут меняли и сразу со смены спиртом с тёплой водой отпаивали, чтоб с ума не сошли. Им там все по радице в любви признавались в последние секунды. Из падающего штурмовика, из горящего танка – все хотели крикнуть: «Я тебя люблю!» – кто до призыва по возрасту не успел влюбиться».

Советские солдаты осматривают танк Pz.Kpfw. V «Пантера», подбитый во время боев под Прохоровкой

Немецкий танк Pz.Kpfw. III, подбитый советскими войсками в районе станции Прохоровка

Так немцы закончили Прохоровское сражение

Атакуют советские танки

Брошенные под Прохоровкой подбитые немецкие танки Pz.Kpfw.V «Пантера»

Советские танкисты

Так немцы начинали

Подбитые немецкие танки

Так немецко-фашистские войска начинали Курскую битву

В Курской битве были уничтожены элитные танковые дивизии Германии

Лучшие немецкие танки не устояли перед «тридцатьчетвёрками»

Так для немцев закончилась Курская битва

Скульптурная композиция «Танковое сражение под Прохоровкой. Таран»

Мемориальный комплекс на Прохоровском поле

КОМАНДИР С-13. ЛЕГЕНДА ФЛОТА

О Герое Советского Союза капитане третьего ранга Александре Ивановиче Маринеско написано немало. Много о нём мне рассказывал контр-адмирал Василий Фёдорович Иванов, который был с ним знаком лично. Что объединяло этих двух моряков, так это характеры. Оба были неудобны для начальства. Василий Фёдорович ещё в советское время помог поставить памятник Александру Маринеско, пойдя против воли командования.

Контр-адмирал также был инициатором и активным участником создания Музея подводных сил России имени Александра Ивановича Маринеско, до конца жизни возглавлял учёный совет музея. В.Ф. Иванову моряки присвоили в своё время звание Почётного члена экипажа героической подлодки С-13.

А памятник Александр Маринеско заслужил уже потому, что сегодняшние нацисты продолжают его ненавидеть за потопленный им лайнер «Вильгельм Густлофф». Это произошло 30 января 1945 года.

Общая военная ситуация была таковой: с началом 1945 года, когда Красная Армия подошла к фашистскому логову, огромная немецкая группировка оказалась прижата к польскому побережью Балтийского моря. Началась эвакуация.

22 января подводники Балтфлота получили приказ Верховного Главнокомандующего – топить все германские корабли, следующие из портов польского Поморья в западном направлении. Немецкий флот до 8 мая 1945 года успел перевезти на Запад более двух миллионов человек, как гражданских, так и военных для обороны Берлина. Свой вклад должен был внести и «Густлофф». Он вышел из Гдыни (которую немцы переименовали в Готтенхафен), имея на

борту свыше шести тысяч человек, зашёл в Гданьск (Данциг) и здесь принял на борт ещё более трёх тысяч пассажиров.

До сих пор спорят, сколько боевых кораблей получил немецкий транспорт в охранение, однако совершенно точно, что среди них были два: миноносец «Löwe» («Лев») и торпедолов TF-19.

Советская подлодка с «несчастливым» номером С-13, входившая в состав 1-го дивизиона бригады подводных лодок Балтфлота, в свой самый знаменитый боевой поход вышла с большим скандалом. В новогоднюю ночь, незадолго до её выхода, командир Александр Маринеско на два дня пропал с лодки, а её храбрый экипаж так весело праздновал, что затеял драку с населением финского города Турку, где в то время базировались балтийские подлодки. Если кто не знает, в военное время и за то, и за другое полагался штрафбат. Приняв во внимание заверения Маринеско, что он и его экипаж «искупят в бою», командование всё-таки отправляет лодку на боевое задание, откладывая вопрос о наказании до возвращения. Это был единственный за всю историю ВМФ СССР случай – подлодка ушла на задание в статусе «штрафной».

Выйдя в боевой поход 11 января 1945 года, С-13 только через 19 дней преследования немецких сторожевиков и неудачных попыток атаковать конвои обнаружила немецкий военный транспорт в сопровождении миноносца, курсируя у Данцигской бухты.

Первым заметил фашистский корабль старшина 1-й статьи Александр Волков. По свидетельствам сослуживцев, этот парень ночью видел лучше, чем иные днём. Нужно было занять наивыгодное положение для атаки, одновременно обманув цель и её охранение. Александр Маринеско идёт на риск, приказывает всплыть и зажечь ходовые огни.

В таком положении подлодку можно принять за катер.

После манёвра, в 23 ч. 08 мин. Командир приказывает из надводного положения дать залп из носовых торпедных аппаратов. Три торпеды ушли, одна не

вышла из аппарата. Но и трёх оказалось достаточно. Лайнер накренился на левый борт и через сорок минут затонул – судно было перегружено.

Наша лодка ушла в глубину. Фашисты были взбешены, миноносец конвоя и сторожевики ещё долго прочёсывали залив, сбросив десятки глубинных бомб. А С-13 удалось уйти неповреждённой, маневрируя и укрываясь за обломками тонущего корабля.

Как выяснилось позднее, Маринеско потопил «Вильгельм Густлофф», один из самых крупных немецких лайнеров, на борту которого было около 9 тысяч человек, в том числе 3700 подводников — экипажи для 70-80 подлодок, и 400 высокопоставленных фашистских бонз, включая 22-х гауляйтеров. Спаслись всего 998 человек. В Германии был объявлен трехдневный траур, а Маринеско (по легенде) стал «личным врагом фюрера» (в число которых также входили, якобы, Илья Эренбург и Вольф Мессинг), и Гитлер приказал расстрелять командира конвоя.

Через 10 дней, возвращаясь на базу, «несчастливая» подлодка С-13 отправила на дно еще одно 14-тысячетонное военно-транспортное судно «Генерал фон Штойбен», на борту которого находилось 3600 немецких военных. Это

был рекорд Второй мировой войны по тоннажу потопленных вражеских судов одной подлодкой.

Вот любопытные воспоминания очевидца Хайнца Шена, который был тогда на борту «Густлоффа» помощником капитана: первая торпеда разнесла борт в секции, где когда-то был плавательный бассейн, а в тот момент располагалась казарма для 373 женщин-военнослужащих ВМС Германии, вторая и третья торпеды основательно повредили корпус ниже ватерлинии, что и решило судьбу лайнера.

Позорным для германского флота является тот факт, что все четыре старших командира, в том числе офицер ВМС Вильгельм Цан, покинули тонущее судно одними из первых и остались живы. За что и были расстреляны.

Подводная лодка С-13, в связи с израсходованием топлива, 13 февраля прекратила патрулирование и направилась в Турку, куда и прибыла два дня спустя. Вопрос о предании Маринеско военному трибуналу был снят с повестки. Более того, командир 1-го дивизиона подлодок Александр Орёл уже 20 февраля подготовил наградной лист о присвоении Маринеско звания Героя Советского Союза, однако командир бригады Курников понизил уровень награды, заменив её на орден Красного Знамени. Также были понижены награды экипажа. Решение принималось с учётом предыдущих дисциплинарных нарушений. Орденом Красного Знамени была награждена и сама подлодка С-13.

Звание Героя Советского Союза Александру Маринеско было присвоено уже посмертно в 1990-ом году, благодаря настойчивости таких моряков, как В.Ф.Иванов.

Последнее время некоторые западные «исследователи» стали обвинять Маринеско в военном преступлении на том основании, что на «Густлоффе», наряду с военными,

находилось много гражданских лиц.

Когда с этим вопросом обратились в Институт морского права Германии в Киле, тот вынес вердикт: «Вильгельм Густлофф» являлся законной военной целью. На нём находились сотни военных моряков и зенитные орудия. Имелись раненые, однако отсутствовал статус плавучего госпиталя. Правительство Германии 11 ноября 1944 года объявило Балтийское море районом военных операций и приказало уничтожать всё, что там находится. Советские вооруженные силы имели право отвечать тем же».

Стоит добавить, что «Густлофф» нёс военно-морской флаг, и его команда имела не только мореходные книжки, но и военные удостоверения личности. Это заключение немецких правоведов уже ставит жирную точку в каких-либо дебатах.

А вот что говорит об этом заместитель директора Музея подводных сил России имени А.И.Маринеско Юрий Лебедев: «Это была блестящая военная операция, благодаря которой инициатива в морской войне на Балтике была прочно перехвачена советскими моряками. Своими действиями подводная лодка С-13 приблизила конец войны. Это был стратегический успех советского военно-морского флота, а для Германии – крупнейшая морская катастрофа. Подвиг Маринеско состоит в том, что он уничтожил казавшийся непотопляемым символ нацизма, корабль-мечту, пропагандирующую «третий рейх». А гражданские люди, находившиеся на корабле стали заложниками немецкой военной машины. Поэтому трагедия гибели «Густлоффа» – это обвинение не Маринеско, а гитлеровской Германии».

Это и есть историческая истина. По неумолимым законам войны командир С-13 потопил вражеский военный корабль (только представьте на минуту, что бы с ним и с экипажем было, если бы он вопреки военному долгу и прика-

в том, что там были и беженцы. Огромная вина в трагедии лежит на немецком командовании, которое руководствовалось сугубо военными интересами и не думало о гражданских людях.

А для нас Александр Маринеско навсегда останется героем, ведь он давно уже стал человеком-легендой. В этой ипостаси уготовано бессмертие ему и его «атаке века», как апогею возмездия фашистам за их злодеяния на советской земле.

СТАНЦИЯ САЛУНЬ

Стоял октябрь. Выпал первый скупой снежок, через который проглядывала чёрная земля, напоённая влагой обильных осенних дождей. Темнело рано, и Алёша Глебов поторапливал Гнедка, слегка оглаживая худые бока лошади вожжами. Хлестать было жалко. Лошадь работала много, а корму получала мало. Впрочем, как и сам Алёшка. Как все люди в совхозе. И лошади тоже. Шёл 1944 год. Советская Армия наступала, поэтому фронт требовал всё больше и больше – и солдат, и продовольствия.

Солдат семья Глебовых отдала Родине уже троих. Старший брат Анатолий погиб в сорок первом под Москвой. Отец Лёшкин, Николай Иванович Глебов ранен был под Сталинградом, а после госпиталя направлен в трудармию, на пулемётный завод. Средний брат Михаил призван был в прошлом году. Письма приходили пока исправно, слава Богу. Самому Алексею шестнадцать было. В феврале уже призывали на сборы. Занимались строевой подготовкой и тактикой. Изучали винтовку Мосина. К посевной всех отпустили. Сейчас уборочная закончилась, стали приходиться повестки его погодкам. Федька Монин уже получил, Толька Горлов, Васька Баев. А ему повестки пока не было.

В телеге погромывал инструмент: вилы, лопата, топор. Ну и ружьё, конечно. Лёшка без него никуда. Охотник он был заядлый. А заяц или утка к семейному столу, где мяса давно уже не едали, ну никак не лишние. У мамы ведь ещё двое: двенадцатилетняя Варя и Ванятка шестилетний. Как они будут, если нынче его призовут? Алексей вздохнул. Свистнул, пошевелил вожжами. Гнедко пошёл шибче.

Дома распряг лошадь. Сразу поить не стал, но сена дал. Зашёл в избу. Мама уже ставила ужин: хлеб, картошка, молоко. Как-то глянула на Лёшку по-особенному. Села на

лавку, вытерла руки о фартук.

– Чё же, Олёшенька, не знаю, уж правильно ли я сделала?

– А чего, мам?

– Так ведь отправляют днями твоих одногодков, а тебе всё повестки не шлют. Я подумала, а ну как объявят тебя дезентиром? Сходила я к Долгушеву. – Долгушев заведовал совхозными кадрами. – Спросила его. А он говорит: «Ольга Ивановна, твоему Алёшке семнадцать-то будет только двадцать пятого декабря. Может, оставят его? Ну, а если спрашиваешь, я в район позвоню». Олёша, может я зря это?

Алексей уже чистил картошку, одновременно откусывая хлеб.

– Ничего мам, не зря. Они там сами всё знают.

Повестку передали Алексею на следующий день после звонка Долгушева в район. Совхоз был подсобным хозяйством танкового завода № 200 в городе Челябинске, поэтому в хозяйстве имелся выручавший в любую погоду тягач на базе танка КВ. Он увозил в райцентр на станцию сливочное масло с маслобойки, а от туда – запчасти. Вот с этим танкистом – трактористом повестку-то и передали.

Через неделю уже стоял Глебов перед комиссией в районном военкомате. За столом сидели четыре человека. Председатель комиссии спросил:

– Шесть классов у тебя. Глебов?

– Шесть.

А по тем временам шесть классов – это образование не так себе, в деревне чуть ли не высшим считалось. Председатель обратился к комиссии:

– Нам одного человека в школу младших командиров нужно.

Рядом сидящий представитель из органов зашипел на ухо:

– Нельзя, товарищ Волков, у него отец был судим по пятьдесят восьмой в тридцать первом году.

– Да? Тогда в общую команду.

Из их района в пехотную команду набрали около полусотни призывников. Разместили в двух вагонах – «телятниках». Нары были в два ряда. Хватило на всех. В каждом райцентре к эшелону подцепляли вагоны. В Чебаркуль прибыл эшелон длиной в полкилометра.

Выгрузились, прихватив котомки со съестными припасами. У кого больше, у кого меньше. Топтались, разминая затёкшие мышцы. Кое-как построились в колонну. В обтрёпанных засаленных фуфайках, дырявых сапогах, валенках – шитых – переподшитых новобранцы были больше похожи на лагерников. Оркестр грянул марш. Играли здорово. Лёшка первый раз слышал духовой оркестр «в живую», а не по радио. Настроение поднялось. Шагать стало веселее.

Расположились в длинных «казармах», выкопанных в земле, в которых были двухъярусные нары. На верхних, где Лёшке место досталось, можно было стоять в полный рост.

Через две недели переодели в старую солдатскую форму: шапки, шинели, кому – гимнастёрки, кому – кителя, которые до них носили курсанты Копейского пехотного училища, ботинки, обмотки. Потом дали и валенки, иначе можно было обморозиться. Хотя, и так простывшие были, почти все кашляли.

В армейский праздник, двадцать третьего февраля приняли присягу. Командиром взвода был назначен лейтенант Девяткин, из НКВД-шников. Но его молодые бойцы видели редко. Обучал и командовал взводом старший сержант Адышев, татарин по национальности, служака ревностный и строгий. Спал он вместе с солдатами в казарме, правда, нары сержантские стояли между двумя печками.

Алексею военная наука давалась легко. От природы

подвижный, с быстрой реакцией, хотя и был невысокого роста, но выделялся среди других бойцов. Легко крутился на перекладине. Метко стрелял. Жило в нём какое-то врождённое чувство дисциплины, ему даже нравилось выполнять команды.

Вскоре двоим из взвода присвоили воинские звания: Глебову – младшего сержанта, Василию Баеву – ефрейтора. И стали они обучать других бойцов. Адышев, которому не хватало терпения заниматься с казаками, поручил их Глебову. После того, как Алексей научил их разбирать и собирать автомат ППШ почти вслепую, Адышев Лёшку ещё больше приблизил и стал, в своё отсутствие, доверять ему командование взводом.

До марта сорок пятого года из учебки отправляли команды на западный фронт. После пошли на восток.

В мае из всего учебного полка сформировали маршевую роту. Выдали новую форму, сухой паёк. И пошёл эшелон в Монголию. Петропавловск запомнился тем, что дали горячее питание – макаронны. Через пять суток были в Чите, оттуда – на город Чойболсан. Железнодорожная ветка не доходила до города километра три. Войска выгрузились.

Там уже стояла семнадцатая гвардейская дивизия, прибывшая из Кенигсберга. Маршевой ротой пополнили состав этой боевой дивизии. Глебов попал в отдельную роту автоматчиков. В роте рядовых не было – только сержанты. Командовал ротой старший лейтенант Мельниченко, молодой, но с богатым фронтовым опытом.

От Чойболсана был трёхсуточный переход в лагерь «Солёный», расположенный у озера. Там стояли больше месяца. Каждый день были учения, в том числе и с боевыми стрельбами. Отрабатывали взаимодействие с артиллерией. Изучали тактику японской обороны, схемы укрытий. Но о предстоящей войне никто не говорил – ни офицеры,

ни рядовые. В отличие от Чебаркуля, кормили очень даже неплохо: американская тушёнка, монгольское мясо. Был также яичный порошок и сушёная картошка. Жили в ямах, накрытых плащ-палатками. Иногда купались в озере.

Во время купания у молодого солдатика пропала пилотка. Деревенский парень, наивно полагая, что найдёт, ходил у всех спрашивал:

– Ребята! Кто взял пилотку? Отдайте!

Кто-то из шутников крикнул:

– Пушкин её взял!

Малограмотный бедолага кинулся вдоль берега за группой солдат с криком:

– Пушкин! Пушкин, отдай пилотку, поимей совесть!

Кроме купания, было и ещё одно занятие. Поскольку полковая артиллерия: «сорокопятки» и семидесятишестимиллиметровые короткоствольные гаубицы были на конной тяге, то многих привлекали для заготовки сена. Косили траву на берегу реки Халхин-Гол.

Там, увидев, как Лёшка ловко управляется с литовкой, обратил на него внимание старшина роты Воронин.

– Эй, проворный, подойди!

Глебов подбежал и встал по стойке смирно, приставив литовку к ноге, как винтовку. Не потому, что хотел выслужиться перед старшиной, просто привычка уже въелась.

– Младший сержант Глебов...

– Откуда родом?

– С Челябинской области, теперь Курганская...

– Землячок...

Воронин Степан Михалыч был уроженец соседнего района. В армии служил с тридцать восьмого года. Дома не был восемь лет. Они сошлись поближе. Подолгу разговаривали о родных местах, вспоминали общих знакомых и даже родственников общих находили. Михалыч женился рано. У

него росла дочка.

– Ведь увижу, не узнаю, ей Богу, не узнаю! – часто приговаривал он.

Балабон и разгильдяй Юрка Блинов его подначивал:

– Конечно, не узнаешь! На соседа похожа, как узнать...

Старшина не обращал внимания. На язык Блинова даже офицеры не обижались – что взять с человека, если у него орден Славы, медаль «За отвагу» и тяжёлая контузия. К тому же Юрке Блинову во время рукопашной в коридорах Кенигсбергских укреплений эсэсовец пол-уха откусил. Юрка его задушил голыми руками. Так уж пришлось. Поэтому и над Блиновым товарищи подшучивали:

– Эсэсман захотел Блина попробовать, да подавился!

В июне прошло крупное армейское совещание. Отдельную роту автоматчиков привлекли для охраны. Алексей никогда не видел вместе столько генералов. Стояли огромные по сорок метров в длину палатки. В них немецкая трофейная мебель: столы, стулья, тумбочки. Появилось ощущение, что приближается что-то важное.

Тревогу сыграли поутру. Собрали скатки, каски, автоматы, фляжки. В общем, полная выкладка. Шли месяц. Девятьсот километров. Без отдыха, почти без сна и воды. Изнуряющая жара и песок. Везде песок – в ботинках, в галифе, на зубах, в глазах и в голове. Изопрели и рвались гимнастёрки и галифе. Звучала команда: «Расстегнуть ширинки!». Всё было смозолено. Бросали скатки, каски, пустые фляги. Воду подвозили редко, её выпивали сразу. Оружие не бросал никто. За это расстреливали. Зато от тяжёлых плащ-палаток старались избавиться. Офицеры просили:

– Не бросать плащ-палатки! Без них нельзя там!

Где «там», уже все знали. Но думали только об одном – дойти бы! Многие отставали. Колонны растягивались. Особенно доставалось миномётчикам. У них оружие тяжёлое.

Не то, что автомат – пять с половиной килограмм. Но поблажки не было никому. Командиры гнали и гнали вперёд. Днём и ночью. Короткий привал – два – три часа и снова суточный переход. Перед привалом

звучало команда: « Всем вместе находиться! В сторону не уходить!». После привала: «Подъём! Найти спящих! Оружие не забывать! Вперёд!». Шли уже не колонной, а гурьбой. Некоторые научились спать на ходу. Однажды так уснул и Глебов. Очнувшись, увидел, что идёт в сторону от колонны. Больше не засыпал.

Часто пропускали вперёд танки. Хуже, если ночью, да на привале. Танкисты фары не включали. На броне сидел вперёдсмотрящий. Но он был так же вымотан изнуряющим маршем и не успевал заметить спящих на дороге бойцов. Некоторые попадали под гусеницы. Умирали и от болезней.

К вечеру восьмого августа подошли к китайской границе. Позади осталась злая пустыня с колдовским названием Гоби, поглотившая косточки многих и многих сыновей России, солдат терпеливых и мужественных. Объявили большой привал. Пересчитывали личный состав. В отдельной роте все были на месте.

Объезжали порядки на лошадях командиры, во главе с полковником и начальником штаба. Полковник качал головой, глядя на оборванных, измученных бойцов. На осла, которого нагрузили миномётной плитой. На оборванные рукава гимнастёрки. На голые локти и колени, торчащие из галифе без обмоток.

Ехавший последним офицер решил поддержать дух бойцов:

– Все знаете вальс «На сопках Маньчжурии»? Вот она – Манчжурия – перед вами!

Блинов, зло сплюнул:

– А ты повальсируй со своей кобылой-то на радостях! Да поцелуй её, она ведь тыщу вёрст тебя везла!

– Блинов, молчать! – осипшим голосом оборвал его Мельниченко. Офицер поспешил за полковником.

Сержант Блинов замолчал. Жила в нём злоба и свобода, которая, может быть, помогала ему выжить на войне, но мешала во взаимоотношениях с командирами и начальниками.

– Лучше бы я два раза Альпы перешёл! – повернувшись к Воронину, сказал командир роты. – Сейчас воду привезут. Приготовьте фляжки и, что ещё там у кого осталось.

Воду привезли прямо в кузовах машин. Там были брезентовые чехлы. Вода была тёплая, солоноватая. Давали по котелку на двоих. Наливали во фляжки, кто сохранил – а не выбрасывали трофейные, немецкие – они были из алюминия, в чехле из кошмы. Вода в них не сразу нагревалась. Наши стеклянные – повыбрасывали. Лёшкина фляжка разбилась. Каску он обронил, когда уснул на ходу.

Выдали по одному сухарю граммов на сто, по такому же куску сала, по запасному диску к автомату.

Ночью перешли границу и через трое суток форсировали Хинган. Колонна продвигалась по узкой горной дороге. Раздалась команда:

– Разойдись, пехота!

Шёл дивизион реактивных гвардейских миномётов – «Катюш». Миномёты были на базе американских «Студебеккеров».

– Вот, Лёха, хоть какая-то польза от этих союзников,

- сказал старшина роты. – Наши ЗИСы здесь бы не прошли!

Американскую тушёнку Воронин «пользой» не считал.

К утру получили приказ – атаковать с марша станцию Салунь.

Там скопились японские эшелоны с большим количеством техники и живой силы. «Катюши» ударили по головным эшелонам, паровозам и путям. Японцы стали срочно выгружаться и готовиться к обороне.

– Ну, Глебов, надо занимать места в спальных вагонах! А то япошки без нас хотели уехать, – шутил Воронин, надевая каску.

Лёшка поправил пилоточку и проверил чехол с запасным магазином.

Рота атаковала на стыке двух пехотных полков. Вырвались чуть вперёд. Остановил плотный пулемётный огонь. Перебежками добрались до засохшего пруда. Залегли в камышах.

Оказывается, их встречала японская кавалерийская часть, успевшая выгрузиться. Били из ручных пулемётов, привинченных к сёдлам.

Атакующих поддержала огнём полковая артиллерия. Рота была уже слишком близко от японцев. Снаряды ложились совсем рядом. Алексей тоскливо ждал – вот-вот свои же и накроют. Противоположный берег пруда был обложен камнями – валунами. Попадавшие в них снаряды выбивали тысячи осколков, которые вместе со смертоносным метал-

лом создавали кромешный ад.

Поэтому, когда прозвучало: «В атаку!», Глебов поставил запасной магазин и, с некоторым даже облегчением, рванулся вперёд, с остервенением стреляя в любое шевеление впереди. «Ура!» никто не кричал, звучали только выкрики командиров: «Вперёд! Вперёд!». Рядом мелькнуло перекошенное страшной гримасой лицо Блинова. Он бежал, рыча и стреляя короткими очередями. После удара артиллерии самурайский огонь стал слабее. Рота быстро приближалась к позициям японцев. Алексей увидел, как маленькими фонтанчиками лопнула гимнастёрка на спине бегущего впереди бойца – пулемёты прошивали тела насквозь. Глебов перепрыгивал канавы, камни и тела. Глянул на одного убитого. Воронин лежал с двумя пулевыми отверстиями в каске. Запечатлелось, как фотоснимок в глазах. В сознание пришло позднее.

Алексей уже не видел перед собой спин атакующих товарищей. Ворвались на японские позиции. Груды убитых людей и лошадей. Тех, кто шевелился, добивали автоматным огнём.

Потом считали оставшихся в живых. Рота потеряла пятую часть личного состава. **(За две недели боёв с Квантунской армией советские войска потеряли 36 тысяч убитыми.)* Алексей вспомнил Воронина. Поёжился. Как-то не верилось. Земляка больше нет. Всю войну прошёл и вот...

– Блинов, назад! – послышался окрик Мельниченко. Но Блинов, не обращая внимания на командира роты, уже бежал к японским паровозам. Вернулся с ведром холодной воды. Тут же сел переобуваться в новые японские ботинки.

Увидели, как от станции мчится дрезина с японцами. Стрелять даже не пытались. Далеко.

– Лёнька, ты охотник? – неожиданно спросил Блинов.

– Ну, – Глебов не знал, что опять выкинет этот конту-

женный.

– Тогда пошли со мной на охоту! Выскочили одни, будут и другие.

Пройдя метров семьсот напрямую, они подошли к железнодорожному пути. Блинов приложил ухо к рельсу.

– Будем ждать, Глебов.

Алексей уселся на камень. Блинов был возбуждён:

– Хуже нет – ждать и догонять!

– Хуже, когда тебя ждут или догоняют, – отозвался Глебов.

– У вас в деревне все такие умные?

– У нас в деревне все раскулаченные.

– Значит, умные...

Блинов снова послушал рельс.

– Скоро будут, косоглазые!

Маленьким пятном на путях показалась дрезина. Сержанты залегли. Когда приблизилась метров на двести, открыли прицельный огонь с колена. Японцы даже не успели снять карабины. Дрезина стремительно несла их на автоматный огонь. Перестали стрелять, когда тележка с трупами прокатилась мимо.

Тело старшины Воронина не отдали похоронной команде. Сами схоронили. Написали на фанерной табличке: звание, фамилию; боевой путь: «Смоленск – Кенигсберг – станция Салунь». Блинов дописал: «конечная».

Станция Салунь была узловая. От неё отходили три ветки: на Харбин, Чанчунь и к границе. Дивизион гвардейских миномётов ушёл на Харбин. Там наш десант захватил аэродром. Нужно было подкрепление. С подходом дивизиона японский гарнизон сдался. Не зная об этом, на аэродром приземлился на своём самолёте глава правительства Маньчжурии и попал в плен к нашим.

Стрелковые части шли на Чанчунь. Разведка обнару-

жила японцев в китайской деревне среди посевов гаоляна.* (Культурное растение, высота стеблей которого достигает двух метров).

«Выкуривать» вместе с разведчиками направили и роту автоматчиков. Небольшой посёлок окружили. Группами шли от одной китайской фанзы к другой. Врывались, стреляя поверх голов. Требовали сдаться. Большинство сдавались без сопротивления. Сержант Блинов сначала в фанзу кидал гранату, потом из автомата посылал очередь по полатам, расположенным в полуметре от пола. Потом кричал:

– Банзай, сдавайся!

Блинову никто не сдавался.

Собрали пленных, десятка три. Двое голых, в одних трусах. Под трусами на шнурках ножи самурайские. Хотели пробраться к реке. Переводчик объяснил, что пленные, в основном, корейцы. Они не хотели воевать. Японцы заставили. Двое голых – японские унтер-офицеры. Девять солдат были убиты.

Капитан Егоров, секретарь парторганизации полка, накинулся на Блинова:

– Ты что творишь, дубовая голова? Здесь не кенигсбергские форты! А вдруг в хижине мирные люди?

Блинов был верен себе:

– Па-ашёл ты! Сам бы заходил, если мирные!

И тут, словно в подтверждение его слов, разведчики принесли молодого солдата с ножом в груди. Видать, под-

стерегли у входа в хижину. Унтеров хотели застрелить тут же. Егоров с переводчиком не дали. Надо допросить. А там – командир решит.

Вели рядом с колонной. Корейцев отдельно. Двух японцев отдельно. Командир полка решил – расстрелять всех. На возражения переводчика ответил:

– А на х... мне они нужны, твои хорошие корейцы? Ни кормить, ни охранять я их не могу. Ты один поверил, что они – корейцы. А если сбегут? Сколько наших бойцов-ротозеев отстало! Враз оружием завладеют и вздумают к своим прорываться. Расстрелять! Сначала японцев, потом корейцев.

Японских унтеров стали отталкивать автоматами в сторону от колонны. Они всё поняли. Ухватились за автоматы. Казалось, ещё секунды и оружие окажется в их руках. Комполка, бывший рядом, выхватил «ТТ» и прямо с лошади застрелил обоих самураев. После этого скомандовал Мельниченко, показывая на остальных пленных:

– Этих выводи в поле и кончай!

В Чанчуне к старшему лейтенанту Мельниченко подошёл командир разведчиков.

– Дай бойца одного, чтобы наездник был хороший. Я приказ хозяйственный получил. Как раз одного не хватает.

Командир роты долго не раздумывал:

– Глебова ко мне!

Лёшка прибежал.

– Ты как на лошади держишься?

– Нормально, тыщ старлейнант! Как с горшка перестал падать, так тятя на лошадь посадил.

– Пойдёшь с разведчиками на хозработы.

– Есть!

«Хозработа» разведки заключались в самом, что ни на есть, разбойничьем налёте. Нужно было угнать у китайцев стадо. Глебову объяснили:

– Коровы японские. Китайцы их присвоили, когда японцы сбежали. Так что, наше дело правое!

Алексею, вообще-то, всё равно было. Приказ есть приказ. Скотина – не люди. Куда надо, туда и погонит.

Разведчиков было пятеро, Лёшка шестой. Автоматы у них были ППС, которые гораздо удобнее – приклад откидывался. У каждого разведчика нож. Всадники они были лихие, а вот пастухи – никудышные. Ночью, когда захватили скот, Алексею пришлось самому командовать, как стадо направлять и ловчее гнать. Собаки подняли лай, китайцы крик. Собак постреляли. Несколько автоматных очередей поверх голов образумили и китайцев, которые с палками преследовали похитителей.

Стадо пригнали на станцию. Едва успели загрузить в вагоны, как явились китайцы. Пришли жаловаться командирам. Те разводили руками: «Что поделаешь? Есть факты мародёрства, признаём. Найдём. Накажем». Ну, а как прикажите армию кормить? Не было у советских гвардейцев, в отличие от гвардейцев Кутузова ни личных имений, ни состояний, чтобы за провиант рассчитываться.

На следующий день, пробегая мимо командира разведроты, Глебов привычно козырнул. Но тот его остановил и поздоровался за руку. Видимо, ковбои-разведчики рассказали об Алёшкиной помощи.

Уже в Порт-Артуре всем объявили благодарность Верховного главнокомандующего за преодоление безводных степей Монголии, форсирова-

ние горного хребта Большой Хинган, прорыв укрепленных районов японцев и освобождение Манчжурии. Объявили о награждении солдат и офицеров орденами и медалями. В числе прочих младший сержант Глебов – медаль «За отвагу».

В Порт-Артуре дивизия осталась на долгие годы. Началась корейская война. Составу аэродромного обслуживания демобилизацию задержали. Отдельной роте автоматчиков, где старшиной был Алексей Глебов, тоже, потому как рота несла охрану всех и вся, где только были возможны диверсии.

Досыта хлебнули советские солдаты южно-азиатской романтики на берегу Жёлтого моря. На всю жизнь запомнился Ляодунский полуостров с холодными промозглыми зимами, изнуряющей летней жарой, залитыми водой рисовыми полями, малярийным комарьём, сезонами муссонных дождей, когда дороги превращались в реки, а реки – в селевые потоки.

И увидел Алексей Николаевич Глебов зауральские берёзки только в 1953 году. И рассказал жене и дочке старшины Воронина, как пал смертью храбрых при штурме далёкой станции Салунь их муж и отец, покинувший родной дом пятнадцать лет назад.

Спустя более полувека, на приёме участников Великой Отечественной войны мэром города в честь 60-летия Победы оказался Глебов за столом рядом с фронтовиком лет восьмидесяти в офицерском кителе с погонами майора. Когда выпили и разговорились, оказалось, что зовут его Анатолий Фёдорович Мельниченко. Глебов сразу же спросил:

- С японцами не пришлось воевать?
- Пришлось. До сорок седьмого года в Порт-Артуре

служил. Ротой командовал.

– А старшину Глебова не помните?

– Конечно, помню. С разведчиками у китайцев коров угнали целый эшелон! Подожди! – Майор пристально смотрел Глебову в глаза. Не узнавал.

– Неужели ты, Глебов?

– Я и есть, Алексей Глебов. Служил в Порт-Артуре до пятидесяти третьего года. До самой смерти Верховного.

Обнялись. Выпили. Водка вытекала из глаз, катилась по щекам, по усам, капала на стол и обратно в рюмки. Вспоминали всех поименно. То, что было шестьдесят лет назад помнилось хорошо, в отличие от того, что было в прошлом году, или пять лет назад.

На приеме было много журналистов. Девятнадцатилетняя Олеся Толстикова должна была написать про взятие Берлина. Послушала двух ветеранов: говорят про каких-то китайцев и японцев, про коров и Порт-Артур. На всякий случай спросила у коллеги:

– Вадим, когда была русско-японская война?

– В 1904 году.

Олеся пожала плечами: «Неужели столько живут?». Поинтересовалась у собеседников:

– Вы Берлин не брали?

Развеселившийся Мельниченко ответил:

– Брал, да на место положил.

– Шутите?

– Шучу, дочка. Берлин брал Жуков.

Олеся подошла к большой группе ветеранов:

– Не подскажите, где мне Жукова увидеть?

ПИСЬМО ИЗ 1942 ГОДА

В 2021 году мы отметили 80-ю годовщину битвы под Москвой, где Советская Армия одержала первую крупную победу над немецко-фашистскими войсками, заставив весь мир убедиться в своей способности разгромить гитлеровскую Германию и заложив основу будущей Великой Победы.

Среди тех, кто ценой своей крови остановил фашистскую военную машину на подступах к Советской столице, было много наших земляков. Все знают о роли сибирских дивизий в обороне Москвы и последующем контрнаступлении. Тысячи похоронок пришли в семьи зауральцев после этой битвы, тысячи раненых героев поступили из-под Москвы в госпитали.

Своими воспоминаниями поделился участник Великой Отечественной войны Аркадий Николаевич Кокорин: «Из нашей семьи были призваны четверо. Старший брат Анатолий служил в Красной Армии с 1938 года в танковых частях на Дальнем Востоке. Наш отец Кокорин Николай Иванович был призван в 1942 году и после ранения под Сталинградом был направлен в трудармию, где и проработал на пулемётном заводе до 1947 года. В сорок третьем призвали среднего брата Михаила, в 1944 году – меня. На западный фронт я не попал. После учебки в Чебаркуле присвоили звание сержанта и отправили в августе сорок пятого на Восток. Пришлось воевать с японцами.

60-ю танковую дивизию, в которой служил механиком-водителем танка Т-26 мой старший брат Анатолий, из Хабаровского края в ноябре 1941 года перебросили под Москву. Он уже к тому времени был старшим сержантом. Писем не было целых три месяца. А в конце января сорок второго получили письмо. Брат сообщал, что был ранен

– танк подорвался на противотанковой мине, что ранение в ноги, сквозное и не опасное. Об обстановке на фронте сообщал, что наконец-то начали наступать и теперь уж не остановимся. Обращаясь к отцу (а он был участником Первой мировой), писал: «...Три месяца, которые я провёл на фронте явились для меня хорошим уроком. Здесь я узнал всю тяжесть фронтовой жизни. Тятя, это не то, что та германская война – это просто мясорубка. Немцев кладут просто горами. Пришлось и мне своим танком задавить не один десяток немцев. Теперь сообщу, что нас наверно переведут в другой госпиталь. Пока воздержитесь писать. Я об этом сообщу в другом письме. Пока до скорого свидания остаюсь жив, хотя и не очень здоров. Ваш сын танкист Анатолий Кокорин».

Это письмо брата оказалось последним, потому что в апреле месяце мама получила похоронку: «Ваш сын Кокорин Анатолий Николаевич старший сержант был ранен и умер от ран 4 апреля 1942 года. Похоронен на Митрофановском кладбище г. Челябинска».

Письмо это мы считали потерянным, однако, после смерти мамы, разбирая бумаги, его нашли. Нашли также и фотографию Анатолия, сделанную в 1938 году. В этом году исполнилось 80 лет со дня его гибели»

Надо сказать, что сам Аркадий Николаевич участвовал в знаменитом переходе через Гоби и Хинган, принимал участие в разгроме японской Квантунской армии. Закончил войну старшиной роты автоматчиков. Награждён орденами и медалями. В декабре 2022 года ему исполнилось 95 лет. Живёт в селе Кетово. Имеет троих детей, пятерых внуков, шестерых правнуков.

На снимках военной поры: слева сержант Кокорин Аркадий Николаевич (1945 год) и сержант Кокорин Анатолий Николаевич (1938 год), павший в боях за город-герой Москву.

ЕСТЬ ТАКАЯ ПРОФЕССИЯ...

Когда осенью 2022 года объявили частичную мобилизацию в связи с проведением СВО Андрею Петровичу Кочегину было уже 45 лет. Находился он в тот момент по делам в Волгограде. Как только узнал о мобилизации сразу же вылетел в Курган, явился в военкомат, где получил повестку, в которой было предписано прибыть через неделю в пункт сбора с вещами. Андрей попрощался с родными и отправился на пункт сбора. Но там, за-

брав первую повестку, выдали другую с явкой опять через неделю. Так продолжалось месяц, а в последний сбор всем явившимся выдали военные билеты, сказав что Курганская область поставленный план по мобилизации выполнила, и распустили по домам.

Андрею стало как-то не по себе – целый месяц собирался, прощался и вот на тебе! И он принимает решение идти на СВО добровольцем. Мужик сказал – мужик сделал. Узнав, что спецназ «Ахмат» набирает добровольцев, созвонился с мэрией города Грозный, купил билет и поехал туда. Боевую подготовку прошёл в пригороде города Гудермес на базе Российского Университета Спецназ (РУС). Потом грузовым бортом ИЛ-76 бойцов отправили в Таганрог, там разделили на две группы и Андрей Кочегин очутился в Донице.

Сам Андрей рассказывает:

– Через четыре дня нас экипировали: бронезилет,

каска, автомат. И отправили в населённый пункт Еленовку. На боевые задания я с группой ходил под Марьинку, а точнее по посадкам мы пробивались к звероферме. Тем, кто там был, она известна как «зверинец».

22 декабря 2022 года вышли на позицию, назовем её «112». Позиция самая ближняя к противнику. Их опорник был на расстоянии 120 метров. Ну и, понятно, самая опасная. В каждой группе всегда были раненые – «трёсотые», и а кому не повезёт и погибшие – «двухсотые».

А мы до этого недели за две мы на этой позиции потеряли нашего бойца убитым, а 17 декабря на другой позиции – будем называть её «111» – потеряли наших троих ребят убитыми и двоих ранеными.

Так вот, в часа два ночи подошли на позицию «112» и поменяли другую группу. Хотя и была глубокая ночь, но спать было некогда, нужно было углубить так называемый блиндаж. Он представлял из себя длинную узкую траншею, сверху заваленную мусором. Все наши позиции – это были отбитые у противника опорники. Грунт выкладывали на сторону окопа, обращённую к противнику, делая подобие бруствера. Так в работе прошла вся ночь.

В восемь часов утра прилетели первые два ВОГ (выстрел осколочного гранатомёта), затем начал работать по нам миномёт. Нам ещё повезло, что калибр был не большой. Соответственно над нами постоянно висит вражеский дрон – корректировщик огня. Хорошо, что ночью мы часть мусора перенесли в сторону и сделали ложный блиндаж. Потом выкатывается на позицию танк и тоже начинает работать по нам. Наверное, это было самое неприятное из огневого воздействия. Снаряды рвались рядом, но по нам почему-то ни разу не попали. Мы даже подумали, что противник был пьян. И так весь день, который не забыть нипочём. Даже сейчас, по прошествии полутора лет, вспоми-

наю, и мне не по себе. Когда установилась тишина, я спросил, сколько времени – вроде как, рано заканчивать. Было 16:15. И тут началось...

По данным разведки, нас атаковало подразделение поляков, около 40 человек. Нас было девять. Надо сказать, что перед переходом на позицию мы каждый дополнительно взяли по триста патронов и паре гранат. Обычно – 8 магазинов забитые и 800 патронов на человека.

Когда начался стрелковый бой, минут через тридцать я пропустил первую гранату – взорвалась прямо возле ноги. Вначале подумал, что оторвало ногу, отполз в блиндаж. Минуты через две очухался и начал забивать магазины для автомата. У нас уже были «трёхсотые», затем укропы начали скидывать гранаты с дрона. Первая в блиндаж не попала, а вторая влетела прямо в небольшое отверстие в крыше. Взорвалась граната на уровне лица, чуть дальше вытянутой руки. Повезло, что я вовремя поднял руку и, возможно поэтому, спас правый глаз – осколки пришлось в плечо, локоть, щёку – зуб сразу выбило, ещё в рёбра. Но основную массу осколков всё-таки принял бронезилет. Я удивился потом, в госпитале после рентгена, как два осколка нашли стык между нагрудной бронеплитой и боковой. Ну и, конечно, каска помогла.

В общем, к концу боя оставалось у нас всего лишь полтора магазина патронов, а из девяти человек – восемь были ранены...

Если бы противник про это знал, то дождал бы нас и уничтожил, но он, понеся большие потери, откатился. Уже когда начало смеркаться, пробились наши, поднесли БК (боекомплект), подошла смена. Мы стали выходить на эвакуацию. Только выхожу из окопа, и прилетает мина! Мне, то ли осколком, то ли вывороченной землей, прилетает в правое колено, я сразу упал. Укропы выпустили ещё четы-

ре мины. Били прицельно по мне, так как мины взрывались метрах в двух-трёх. Тут выскочил один из наших бойцов и за руку стянул меня в окоп...

В итоге семь человек наших раненых смогли сами уйти на эвакуацию, а часа в два ночи подошла ещё одна наша группа и помогла мне выйти на 111-й пост, там я пролежал сутки. И только в ночь с 23-го декабря на 24-ое пришли ребята, чтобы вынести ранее погибших и заодно помочь мне выйти.

Выходить надо было, чтобы понимали, шесть километров по разбитой посадке, где всё в кашу, по колено в грязи и в полной темноте. В полевой госпиталь Еленовки я добрался только к 8-ми часам утра. Там перевязали, накололи лекарствами, положили поспать. В 16-00 выехали в госпиталь Ростова-на-Дону. Там пробыл четыре дня. Рентген сделали, да не правильно. Потом отправили медицинским эшеленом по госпиталям лечится.

Первого января я прибыл в госпиталь Моздока, там посмотрели, сделали рентген как нужно и вынесли вердикт – колену нужна операция, так как наколенник сломан со смещением, все суставы и связки порваны. Это уж я своими словами, без медицинских терминов объясняю. В общем, такую операцию они сделать не могут, это только центральные госпитали делают.

Через знакомых договорился, что меня примут в один из центральных госпиталей. Четырнадцатого января из этого госпиталя меня выписали, я приехал в часть, написал заявление на отпуск по ранению и вылетел в Москву. Там приняли сделали операцию, и вот теперь я хожу с тросточкой, но зато нога на месте...

Андрей рассказывает о боях спокойно и скромно, без пафоса. О своих наградах не говорит, хотя знаю, что за тот бой он был награждён медалью «За отвагу». Говорит, как

человек сугубо гражданский. Собственно, он и был гражданским, пока не началась война с бандеровцами, с коротким названием СВО. Закончил в 1999 году КГСХА имени Т.С. Мальцева по специальности «агроном-эколог» (родился-то он в селе Лесниково, где сельхозакадемия расположена). Пошёл воевать рядовым, уже на фронте присвоили звание сержанта...

Кстати, его отец – Пётр Павлович Кочегин тоже закончил агрофак сельхозинститута, только в советское время. Но он был офицером запаса. Тогда в институте была военная кафедра и все специалисты получали воинское звание «лейтенант» и военную специальность – командир мотострелкового взвода. Вот и ответьте на простой вопрос, в чьих интересах было закрыть военные кафедры? Кто был заинтересован в том, чтобы наши резервисты не проходили военную подготовку?

Коли заговорили об отце, скажу и про деда Андрея – Павла Захаровича Кочегина, лётчика-истребителя, командира эскадрильи, героя Великой Отечественной войны. После войны он работал учителем, потом стал журналистом, краеведом, писателем. Написал несколько

книг о Великой Отечественной. Основал в городе Куртамыше краеведческий музей имени Н.Д. Томина. Много лет был его директором. В селе Шмаково его именем названа библиотека. А самое главное, он воспитал детей и внуков. Воспитал как надо. Потому и продолжается династия защитников Родины. «Есть такая профессия – Родину защищать», – как сказано в легендарном фильме «Офицеры».

А сын Андрея Кочегина, героя СВО, правнук Павла Захаровича Кочегина, героя Великой Отечественной – Пётр, учится в Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского, перешёл на третий курс. Учится хорошо. Участвовал в Параде Победы на Красной площади 9 мая 2024 года и даже награждён медалью.

И пока продолжают такие династии, Победа всегда будет за нами!

КОМАНДИР ЭСКАДРИЛЬИ. ПРЫЖОК В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Подготавливая к изданию эту книжку, я не мог не включить в неё рассказ о лётчике-фронтовике, члене нашей писательской организации, Павле Захаровиче Кочегине. Я слышал его рассказы о войне, читал его книги. Более всего мне врезался в память один эпизод из его военной биографии – воздушный бой с немецкими истребителями в хмуром небе Норвегии. Об этом бое было написано в очерке «Киркенес! Киркенес!», впервые опубликованном в книге «Норвежские были», изданной в 1964 году московским издательством «Международные отношения». Чтобы не отступать от достоверности и не придумывать лишнего, я решил привести краткий пересказ этого очерка.

«Двадцатого октября 1944 года к полудню часть небосвода очистилась от туч. В 12 часов прозвучал сигнал боевой тревоги. Эскадрилья капитана Павла Кочегина получила приказ сопровождать «Илы» – штурмовики, которые должны были уничтожить немецкие артсклады в 20 километрах южнее Киркенеса. Миновав линию фронта, советские лётчики встретились с «юнкерсами», устремившимися в нашу сторону. Четвёрка истребителей атаковала немецкие бомбардировщики, другая четвёрка продолжила полёт к цели.

Над артиллерийскими складами их встретили шесть «мессершмиттов». Завязался бой. Снизу зашли ещё два «мессера». Одного удалось поджечь. Штурмовики выполнили задание, поразив цели. Столбы огня и дыма взметнулись с земли. Но «мессеры» не прекращали атак. Внезапно появляясь из-за облаков, они бросались на наши «ИЛы». Чтобы дать нашим штурмовикам возможность уйти на аэро-

дром базирования, Кочегин решил отвлечь врага. Приказав двум лётчикам-истребителям сопровождать «Илы», Павел Кочегин и его ведомый, гвардии лейтенант Роман Середа, атаковали «мессеров».

Ведя бой, они оттягивали врага в сторону, противоположную той, куда летели наши. Перед очередной атакой Павел взглянул вправо – ведомый был сзади. Прицелившись в фашистский самолёт, он нажал гашетку, но пули прошли через консоль истребителя, почти не причинив ему вреда, и он нырнул в тучи. Кочегин вновь осмотрелся – ведомого не было... На вызов радио Середа не отвечал. Против комэска оставалось четыре фашистских стервятника. Если уйти в облака, то он скоро будет на аэродроме. А Роман? Быть может он убит или сделал вынужденную посадку?

«Мессершмитты» нападали попарно. Очередной разворот на сто восемьдесят. Фашист шёл прямо на самолёт Кочегина. Истребители сближались на встречных курсах. Изо всей силы Павел жал на сектор газа, чтобы увеличить скорость. «Мессер» закрывал все деления прицела. Ещё секунда – и удар!.. Но в прицеле поползло жёлтое брюхо «мессершмитта». Фашист не выдержал лобовой атаки. Кочегин нажал на гашетку. Машина врага вздрогнула, на мгновение застыла и, разваливаясь на части, стала падать вниз.

Сделав разворот, Павел скрылся в облаках. Серая пелена застлала стёкла кабины, наконец истребитель вырвался к солнцу. Яркое, оно, казалось, приветствовало лётчика. Внезапно на его самолёт обрушился страшный удар. Рядом мелькнула тень «мессера». Истребитель Кочегина, не реагируя на руль управления, нёсся к земле. Отстегнув ремни, он дёрнул аварийный рычаг. Дверца кабины не открывалась, прижатая потоком воздуха. Лётчик навалился на неё плечом и распахнул. Вихрь выхватил его из кабины.

Капитан раскрыл парашют. Но радоваться было нечему. Это был прыжок в неизвестность. Он падал в озеро. От мысли, что предстоит купание в ледяной воде, его передёрнуло.

Но опасность угрожала ещё и с воздуха – два «мессера» пронесли мимо, выпустив очереди трассирующих пуль. «Расстреляют сволочи!» – с тоской подумал Павел. «Мессершмитты» развернулись и снова устремились к нему. Пули свистели совсем близко.

Тем временем ветер сносил парашют к берегу, где на склоне холма виднелись домики. Падение ускорялось, парашютисту казалось, его втягивает в глубокую воронку. Под ногами захрустели кусты. Несколько раз перевернулся, ударился головой о камень, потерял сознание. Очнувшись, увидел серые клочья облаков. Вскочил на ноги, отстегнул парашют и бросился бежать. Вспомнив, что на лямке парашюта привязана плитка шоколада, повернул обратно. Не успев сделать и двух шагов, услышал окрик:

– Хальт! Хенде хох!

Метрах в двадцати с поднятым автоматом стоял немецкий солдат. Капитан, выхватив пистолет, одну за другой выпустил три пули. Немец упал. Подозревая, что он всё-таки жив, упал и Кочегин, укрывшись за кочкой. Над его головой засвистели пули, с противным взвизгиванием впивались в землю. Когда автомат замолчал, Павел, не поднимая головы, бросил взгляд вперёд, чуть правее спасительной кочки. Солдат, приподнявшись, смотрел в его сторону. Капитан прицелился и спокойно нажал спусковой крючок. Немец, взмахнув руками, рухнул.

Павел отполз назад, потом вскочил и побежал. Тишину разрезали автоматные очереди и лающая немецкая ругань. Погоня! Он бежал к большому валуну, чтобы найти за ним укрытие. Пули взвизгивали справа и слева. Болела грудь, дышать было нечем, невыносимо хотелось пить. За валу-

ном кинулся на землю, стащил с головы мешавший шлем.

Отдышавшись, петляя, кинулся в кустарник. Под ногами забулькало. Не останавливаясь, схватил рукой болотную жижу, прижал к распухшим губам. Колючие ветки хлестали по лицу, сучья обдирали кожу. Павел выскочил на дорогу, но слева, за камнем заметил автоматчика. «Окружают...», – подумал, метнулся вправо. Кустарник редел. Ноги вязли в болоте, он брёл уже по колено в воде. Сил не было. Ухватившись за корни упавшего дерева, присел, готовясь к последнему бою. Нащупал в кармане гимнастёрки партбилет. Вынул фотографию жены и детей, мысленно простился с ними.

Короткий осенний день кончался. Наступали сумерки. Обострившимся слухом уловил приближающийся лай собак, немецкую речь, чавканье сапог по болоту. Потом шум стал удаляться и стих. Стало холодно. Правая нога замёрзла, левая – горела в огне. «Ранен...», – понял Павел.

Хотелось курить. Пачка папирос размокла. Но махорка в деревянном портсигаре, что сунул ему в карман механик перед вылетом, оказалась сухой. Покурил и стал выбирать из болота. Под руку попалась суковатая палка. Опираясь на неё, побрёл оступаясь на кочках и чувствуя боль во всём теле. Забрёл всё-таки в трясины в темноте, но понял это, когда уже стало засасывать.

– Спокойно, спокойно.., – говорил сам себе, пытаюсь вырваться из западни.

Липкая жижа поднималась всё выше. Вспомнил о палке. Шарил ей туда-сюда. Наконец, зацепил сучком за кочку. Подтянулся, вытащил ноги из трясины. Ухватился за мохнатую кочку, поднялся и заковылял прочь.

В полночь передохнул, укрывшись от ветра за камнем. Мелкий дождь промочил всего до нитки. Под утро подморозило. Гимнастёрка одеревенела, с шумом ломалась при ка-

ждом шаге. Хотелось есть, но запас продуктов ограничивался шестью витаминными конфетками. Дальше не известно что ожидало, поэтому Павел воздержался от «завтрака».

Днём солнце грело плохо, и как-то быстро стемнело. Повалил мокрый снег. Обмундирование, не успев днём высохнуть, намокло ещё сильнее. Раненая нога распухла и онемела. Волоча её за собой, упорно двигался вперёд. Остановиться – означало смерть. По небу неслись громадные чёрные тучи, словно великаны в длинных развевающихся шинелях.

Во тьме вышел, вернее, выполз к озеру Сальми-Ярви. Там, на противоположном берегу были наши! Ширина озера – несколько километров. Не переплыть. Идти по берегу – окончательно выбьешься из сил, замёрзнешь или в плен попадёшь.

Размышления Кочегина прервал шум мотора. По шоссе, проложенному неподалёку от озера, промчался немецкий грузовик. Павел принял решение и направился к шоссе, намереваясь принять последний бой и дорого продать свою жизнь.

По асфальту зашагал бодрее. Вдруг за изгибом шоссе сквозь редкий березняк блеснул луч электрического фонаря. Послышалось шуршание велосипедных шин. Павел приготовил пистолет... Из-за леса выехали двое. Они быстро приближались. Фонари велосипедов освещали землю.

– Хальт! – скомандовал капитан. Велосипедисты остановились и, ударяя себя в грудь, закричали:

– Норге! Норге!

Павел обрадовался. Перед ним были мирные граждане, норвежцы».

Это были Харальд Кнутсен и Сигвард Ларсен. Они и спасли Павла Захаровича Кочегина. Две недели они его укрывали от немцев, пока советское подразделение разведки не выручило лётчика. После войны Павел Захарович поддерживал связь с ними.

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ Т-34

Военная статистика говорит, что во время Великой Отечественной войны Советская Армия каждый день в среднем теряла 67 единиц бронетанковой техники: танков и САУ. В каждой был экипаж. И далеко не все оставались живы после наезда на противотанковую мину или попадания снаряда в боевую машину. Какие-то экипажи сумели уничтожить десятки фашистских бронемашин, кто-то погибал, не успев поразить ни одного вражеского танка. Всё зависело от профессиональной выучки членов экипажа и, конечно, от военной удачи. На войне, как на войне.

Летом сорок четвёртого Советская Армия, накопив мощные резервы, наступала на многих направлениях от Молдавии до Литвы. Бронированные машины были главной сокрушающей силой любого наступления. Танковые группировки наносили мощные рассекающие удары на большую глубину фашистской обороны, развивали успех и громили вражеские части во встречных боях. Чего это стоило нашим танкистам, знают только участники тех боёв. Танковая рота старшего лейтенанта Ильи Терпкого ушла в прорыв, оставив далеко позади тыловые подразделения своей отдельной гвардейской танковой бригады, имея в баках топливо

на грани и оставшись с минимальным запасом снарядов. Танкисты прошли две с лишним сотни километров без привалов по тяжёлым дорогам, на пределе человеческих возможностей, сжигая резино-

вые бандажи катков, и выжимая всё из танковых моторов.

Танк командира со звездой и номером «26» на башне шёл в низине, перед подъёмом попал на каменистый грунт и «разулся» – слетела

правая гусеница. Три танка шли ещё ниже и попали в болото. Покинуть машину, у которой всего лишь слетела гусеница, экипажу нельзя, по уставу было положено вести огонь из стоящего танка. Но это по уставу, а на земле нужно идти вперёд. Поэтому надо было «обуваться», хотя прикрыть артогнём некому. Был на броне десант – пять бойцов-штрафников с ручным пулемётом. Ребята лихие, выскочили на подъём, залегли за камнями и прикрывали, пока танкисты возились с гусеницей.

В экипаже разделение обязанностей весьма условное. Пока командир откручивал пробку для доступа к натяжителю, механик и заряжающий орудовали ломиками, поправляя траки – гусеница весит без малого тонну.

Обулись, преодолели подъём и понеслись через поле к строениям. За командирским ещё три машины, кроме тех трёх, что застряли в болоте. Ворвавшись на хутор, танки остановились в небольшом саду. Немецкая пехота без поддержки артиллерии и танков отступила.

В командирском танке был расстрелян весь боекомплект, в нише башни сиротливо лежали два снаряда: картечный и подкалиберный. У других экипажей было не лучше. А машина лейтенанта Брызина и вовсе вышла из строя: пушка нелепо торчала вверх, как будто пыталась от-

разить воздушную атаку.

– Механик-водитель не рассчитал, – оправдывался лейтенант, – сорвало подъёмный механизм, когда махнули через траншею. Стволлом грохнулись о землю.

– Отдашь ребятам оставшийся БК, – распорядился Терпкий.

– Да, чего там осталось...

Закурили. Через пять минут механик Ильи Терпкого, задушив папиросу, поднял голову и посмотрел куда-то вдаль, мимо старшего лейтенанта:

– Командир, кажись, немецкие танки...

Терпкий поднял бинокль. Секунды три вглядывался:

– Точно, САУ «Фердинанд»... Ползёт медленно. Мин боится или пехоту ждёт... Один пока. Не разгляжу башенный знак с номером... Примерно километр до него.

Все понимали, что с такого расстояния нарезное оружие «Фердинанда» «тридцать четвёрку» прошьёт навывлет. А наша пушка только в борт может эту махину пробить.

Танкисты прыгнули в машины. Командирский танк выкатился на открытую позицию, чтобы строения не мешали. Терпкий отстранил наводчика:

– Подожди, Коля, я сам. Уж больно риск велик. Надо с первого снаряда... Если он развернётся, в лоб ему наш снаряд, как слону дробина, а нас без боекомплекта он покрошит...

За немецкой САУ уже показалась пехота. Никогда ещё Илья так тщательно не целился. Он не спешил, мандража не было. Он – комсомолец и атеист, молился. Да, да. Он шептал: «Господи, да сделай же так, чтобы он остановился... Хоть на пять секунд. Хоть на две...» Он молился и медленно вёл остриё прицела вслед за ползущим «Фердинандом». Илья мог нажать на спуск, но он продолжал ждать и надеяться, что самоходка остановится. Чтобы наверняка. И

вдруг она замерла. Терпкий плавно нажал на спуск. Вспыхнуло пламя над «Фердинандом». Чёрный столб дыма спирально взвился в небо. Командир, не проявляя эмоций, наблюдал, выскочит ли кто из подбитой машины. Нет. Никого. Упокойтесь, фрицы!

– Теперь, картечный! Коля, картечный давай!

Командир снова припал к орудию. Немецкие солдаты уже бежали обратно, но жалеть их танкист не собирался. Снаряд лёг аккуратно в середину отступающей толпы и положил человек двадцать.

Снова вышли из машин. Ребята обнимали Илью и жали руки. Но радость была не долгой. Беспокойство не оставляло командира роты, потому как – опыт и интуиция. Они ему подсказывали, что контратака немцев не последняя. Подтянут резервы и...

Старший лейтенант беспокоился не зря. Там же, на западе, за небольшими складками местности, примерно на том же расстоянии их наблюдатель увидел торчащие набалдашники дульных компенсаторов пушек. Любому танкисту было ясно – это пушки «Тигров». Десять тяжёлых немецких танков шли в сторону хутора. «Тигр» в манёвре будет страшнее любой САУ. Немцы ещё не видели наши танки, спрятавшиеся в саду, как не видели и тех трёх, что всё ещё возились в болоте. Терпкий попытался с ними связаться. Никто не отвечал. Старлей выругался:

– Вот же сукины дети! Никого у рации не оставили...

У командира не было сомнений, «Тигры» идут сюда, ликвидировать прорыв. А у него четыре машины. Впрочем, три. Брызгин – не в счёт.

– Брызгин, сколько у тебя бронебойных?

– Два!

– Итого, имеем три танка и пять снарядов против роты «Тигров»... Два варианта, лейтенант: героическая гибель

или драп. Те в болоте, конечно, немцев не видят...

– Может быть наши уже вытянули машины из болота?

– А что они могут, если «Тигры» пойдут в лоб? Ты вот из своей «зенитки» хоть в небо можешь пальнуть, чтобы боженька услышал, – Терпкий не мог простить Брызину разбитого орудия. – Снарядов у них тоже с гулькин хрен...

Подошли все экипажи. После короткого совещания решили – надо сматываться. Гибель оправдана, если может принести хоть какую-то пользу. А здесь что? Погубить танки и самих себя ни за понюх.

– По машинам!

Танки выскочили из укрытия. За ними сразу же полетели снаряды «тигровых» пушек. Десятки болванок засвистели вслед. Под вражеским огнём «тридцать четвёрки» летели так, что сам Кошкин изумился бы такой быстроходности своего детища. Ни один немецкий снаряд не попал в цель. Но что больше всего удивило командира – их три танка выскочили из болота и понеслись вслед за ними параллельным курсом.

Остановились у села, куда уже подошли другие наши части. Первым делом Терпкий спросил старшину Захарова, командира танка, из тех что сидели в болоте:

– Вы-то как сориентировались, если «Тигров» не видели?

Захаров снял шлемофон, почесал затылок:

– Знамо дело, стали бы вы, товарищ командир, так улепётывать, если бы вам не дали прикурить. А нам что оставалось?

Раздобыли кое-каких харчей у тыловиков других частей. Не успели перекусить, прибегает какой-то пехотный подполковник и начинает орать:

– Труссы! Отступили, сдали хутор врагу! Старший лейтенант, ко мне!

Терпкий демонстративно не спеша доел, спрятал ложку, подошёл.

– Вы что, лейтенант, отказываетесь подчиняться?!

– По уставу даже главнокомандующий не имеет права прерывать приём пищи военнослужащими...

– Что?! – невысокий подполковник завёлся, и подпрыгивая на носках, продолжал. – В то время как вся Красная армия неудержимо рвётся на запад, горстка трусов, да ещё из гвардейской бригады, без стыда и совести, бросает свои позиции!..

Наверное, подполковник долго бы воспитывал танкистов, если бы Терпкий не сорвался и не послал его:

– А где была ваша пехота, товарищ подполковник? Вы должны были нас поддержать. Мы два часа торчали на высотке без боезапаса!

– Так что, по вашему мы не воюем?!

– Что-то я не видел в бою подполковников!

Подошли все танкисты, после пережитого почтительности к орущему чужому подполковнику они не испытывали. Начали огрызаться и дело вот-вот было готово дойти до пистолетов. Но тут опять вмешались немцы.

В небе появились наши штурмовики «Илы». И здесь сыграл злую шутку тот факт, что подразделения, вырвавшиеся вперёд, не знали сегодняшних сигналов взаимодействия с авиацией. А немцы знали! Их разведка сработала хорошо. Они запустили белую ракету в сторону деревни. И штурмовики стали заходить на деревню, где были наши. Танки стояли левым бортом к изгороди, а справа было поле. Оно вскипело фонтанчиками, поднятыми очередями штурмовиков. Пехотный подполковник, так красноречиво рассуждавший о героизме, живо юркнул под танк.

«Илы» же выстроились в круг и начали свою страшную карусель. Уже кто-то свалился замертво, кто-то кричал ра-

ненный. Хорошо ещё деревья частично закрывали танки. Старший лейтенант знал, что у штурмовиков в запасе есть и реактивные снаряды. Он бросился к своему танку и вытащил ракетницу. Белая полоса перечеркнула

небо в сторону немцев, тут же вторая. Кто-то тоже сообразил, что надо делать. Смертельная карусель нарушилась, «Илы» обстреляли хутор, который только что покинули танкисты, и ушли на аэродром докладывать о выполнении задания.

Подполковник выбрался из-под танка, когда всё стихло. Грязи на нём было больше, чем до этого спеси. Не глядя на танкистов, отправился восвояси. А Терпкий отправился к вновь подошедшим танкам. Это была вторая рота их батальона, а вслед за ней прибыл и штаб батальона. Нужно было докладывать комбату о приобретениях и потерях.

Когда старший лейтенант вышел от командира, солнце уже клонилось к закату. В это время подошедший дивизион «Катюш» ударил по злосчастному хутору, где, слава Богу, уже не было наших танкистов, впрочем, фашистов там тоже не было. Что и говорить, весёлый выдался денёк.

Немецкий фронт трещал, они отходили. Наше наступление продолжалось. День заканчивался. Сколько ещё таких дней оставалось в жизни «тридцатьчетвёрки» с номером «26» никто не знал.

ПОДАРОК РАЗВЕДЧИКОВ

Младший лейтенант Речкин, командир взвода, ещё не отдышавшись от быстрой ходьбы выговаривал старшему пулемётного расчёта:

– Вот воюешь ты не первый месяц и фамилия твоя – Ловчев, а неловкий ты, сержант! Даже геройство твоё мне боком выходит. Сейчас от начальства опять из-за тебя взбучку получил...

– За что? Две атаки отбили...

– За то! Комбат кричит: что у нас на третьем году войны оружия не хватает, что твои пулемётчики в атаку бегут с сапёрной лопатой?!

– Так моё оружие – пулемёт!

– И где он?

– Как будто не знаете... Хана пулемёту. Разбило осколком мины. Слава богу, из расчёта никого не убило.

Младший лейтенант снял пилотку, вытер вспотевший лоб:

– В общем так, иди к старшине-оружейнику, получи личное оружие – пистолет. Ему уже приказано. А пулемёт – моя забота.

Сержант Ловчев посмотрел вслед уходящему командиру:

– Ну, так... Было бы приказано, получим.

В оружейной землянке было просторно, потолки высокие, как в штабе.

Старшина, увидев Ловчева, взял со стола наган, протянул:

– Держи, пулемётчик! Многих фрицев лопатой ухряпал?

– А знаешь, в рукопашной-то с лопатой сподручнее, чем с этим пугачём, – он повертел наган в правой руке, вдруг заявил:

– «ТТ» хочу, как у командира!

– А девку сладкую не хочешь? – усмехнулся старшина.

– Бери, что дают.

В это время в землянку зашёл старший сержант из взвода разведки. Убедил Ловчева, что наган не хуже, а иногда даже лучше, чем пистолет Токарева:

– Наган понадёжнее будет, да и бьёт точнее. Бери, сержант.

На участке их полка несколько дней было затишье. Ходили слухи, что готовится наступление. Подтягивались танки, артиллерия больших калибров. Немцы тоже не дремали, прощупывали оборону, периодически проводя разведку боем. И не только боем, из первой линии ночью исчез часовой – захватила немецкая разведка в «языки» молодого бойца.

Пулемётному взводу для расположения достался чудом сохранившийся немецкий блиндаж. Обустроен был по фронтовым меркам шикарно, стены деревом обшиты, нигде не дуло. Расчёт Ловчева занимался чисткой оружия. Подносчики патронов ушли за боеприпасами.

Младший лейтенант Речкин с Ловчевым вышли на НП.

– Видите, товарищ лейтенант, справа от огневой позиции моего расчёта небольшой холмик, он здесь единственный на ровном поле, хорошо бы там занять позицию. А?

– Ты что, сержант, там немецкое охранение. В том и сложность нам с фланга зайти. Сразу засекут. Готовьте эту позицию как следует. А там война план подскажет.

Боезапас был доставлен. Стали оборудовать позицию. Ловчев поднял голову, мимо них разведчики ползут. Старший сержант знакомый.

– Куда вы, старшой?

– В гости, – разведчик показал на тот холмик, что приглянулся командиру пулемётного расчёта.

– Ну, удачи вам...

Не прошло и четверти часа, как с немецкой стороны началась стрельба. Сначала пулемёт, потом и автоматчики подключились. И вдруг заработали наши батальонные миномёты. Мины начали рваться как раз у заветного холмика. Ловчева бросило в жар: «Там же старший сержант со своими разведчиками!» Он кинулся в сторону НП. Командир взвода на удачу был недалеко.

– Товарищ лейтенант! Товарищ Речкин, там же разведка наша! Целое отделение!

Младший лейтенант не верит Ловчеву. Про разведчиков он не знал:

– Ты что, сержант, там немцы. Стрельбу не слышишь?

Ловчева аж трясёт, он командиру в ухо кричит:

– Да разведка туда наша ушла! Только что! Сообщи миномётчикам пусть перенесут огонь! Своих же положат!

Убедил. Речкин по связи доложил командиру ситуацию, огонь прекратили. И вовремя, разведка ту высотку взяла почти без боя. Одного фрица приволокли живьём и пулемёт немецкий со станины сняли.

Когда разведчики узнали, кто их от своего миномётного огня спас, они трофейный пулемёт Ловчеву подарили. Сержант был в восторге. Пулемёт с оптическим прицелом, такого он в руках не держал.

Через пару дней ситуация поменялась. Комбат на совещании офицерам сообщил, что вокруг противостоящей немецкой группировки наши вот-вот замкнут кольцо. Да и захваченный язык признался, что они готовятся к наступлению.

– Где враг реально будет прорываться мы пока не знаем, но то, что на нашем участке будет наступление, это точно. Готовимся, – сказал майор.

Пулемётный взвод был переброшен на фланг – место

вероятной атаки немцев. Снова окапывались, рыли огневые позиции. Благо о предстоящей атаке знали, были готовы к серьёзному бою.

И вот противник начал артподготовку. Потом густыми шеренгами поднялись автоматчики, поддержанные танками. Ярость фашистского напора поражала. Пехота накатывалась волнами. Ловчев даже подумал, что немцы именно на их участке решили вырваться из окружения. Пот заливал глаза, он смахивал его с бровей. Никогда так много не стрелял, боялся, что пулемёт перегреется. Фашисты пёрли внаглую, прямо в лоб, не считаясь с потерями.

Наши артиллеристы не подвели, устроили такой огненный шквал, что большую часть танков выбили. Они чернели на поле уродливыми дымящимися громадинами. Меж ними зеленели гитлеровские трупы. Вражью пехоту удалось остановить, немцы отошли. По всей видимости, для перегруппировки.

Наши командиры, склонившись, бегали вдоль траншей. Проверяли, кто цел. Отдавали приказы, которые сводились к одному – держаться. Подносчики несли боекомплект. Санитары перевязывали раненых, тащили «тяжёлых», убитых оставляя на потом.

Ловчев обратился к командиру взвода:

– Товарищ лейтенант, грех ведь – такая игрушка лежит без дела, – показал он на трофейный пулемёт. – Разрешите занять позицию поближе к немецкой траншее. Я там кустики присмотрел. Место хорошее. Мои тут сами справятся, второй номер за меня останется...

Речкин огрызнулся было в горячке:

– Опять ты меня, Ловчев, в авантюру втравливаешь!

Потом остыл. Соседний пулемётный расчёт был уничтожен немецкой артиллерией. Так что лишний пулемёт, будет вовсе не лишним.

– Чёрт с тобой. Давай! Организуй ещё точку, только быстрее. Мелёхина возьми! Поможет с боекомплектom. Вперёд!

Пока немцы не оцухались, пуле-

мётчики выдвинулись на место. Ловчев закрепил ствол на коряге. Настроил прицел. Красота! Окопы, как на ладони. Мечта снайпера.

И вот опять заработала вражеская артиллерия и поредевшие шеренги немцев шагнули из окопов. Ловчев бил прицельно, короткими очередями, благо до врага было метров сто двадцать. Целая рота залегла, не пройдя и пятнадцати метров от своей траншеи. Десятка два немецких солдат были убиты и ранены. Сержант почувствовал оружие, понял его преимущество перед «Максимом». Из того бьёшь, не видишь, куда попал, да и попал ли вообще. А тут благодать, оптика. Ай, да подарок от разведчиков!

Вдоль траншеи, согнувшись, как вопросительный знак, бегал длинный немецкий офицер, размахивая пистолетом. Только Ловчев поймал его в оптику, как немцы снова рванулись вперёд. Через считанные минуты они опять залегли, от роты осталась едва ли половина. Ловчев был в кураже, в азарте он стал бить длинными очередями по лежащим фрицам. И тут его позицию, конечно, обнаружили, направив туда плотный огонь. Мины ложились рядом, осыпая бойцов чёрной землёй. Один из уцелевших немецких танков, набирая скорость, двинулся на их позицию.

– Ну, Мелёхин, надо отрываться отсюда. Всё равно патроны кончаются!

Бросив пулемёт, благо он был трофейным, они выскочили из кустов и побежали зигзагами по полю, петляя, как зайцы. Мины не успевали за ними. Немцы, опомнившись, открыли пулемётный огонь, но было поздно. Бойцы благополучно добрались до своих позиций.

Их встретили смехом:

– Ну вы даёте, мастера петли вить! Немцы-то, поди, от хохота не могли в вас прицелиться?

Речкина позвали к трубке. На проводе был комбат:

– Это что за зайцы у тебя по полю шныряют?

– Это пулемётчики мои, товарищ майор.

– Они что, за махоркой к немцам бежали?

– Никак нет, они находились на позиции рядом с передовой траншеей немцев. Почти в упор били, товарищ майор!

– Как фамилии?

Комзвода замялся перед тем как назвать фамилию Ловчева, за него он уже получал выговор:

– Рядовой Мелёхин и сержант Ловчев...

– Это который с лопатой в атаку бежал?

– Так точно...

Трубка замолчала секунд на пять. Потом, чертыхнувшись, комбат выдохнул:

– Не забудь в наградной список включить.

ДВЕ КАСКИ

– Сержанта Рогачёва к командиру роты! – крикнул посыльный, заглянув в землянку к разведчикам. Рогачёв, едва успевший подсушить у печки обмундирование, собрался и направился к землянке командира разведроты. На улице было слякотно, всё ещё шёл дождь, только теперь уже с мокрым снегом.

Толкнул дверь.

– Товарищ старший лейтенант, сержант Рогачёв...

– Садись, сержант, – прервал командир, располагавшийся за дощатым наспех сколоченным столом. Он начал сразу, без предисловий:

– Заграждение у фрицев серьёзное на нашем участке, Рогачёв. Язык нужен до зарезу, а в первую линию окопов пробраться не получится. Потому большую группу посылать не хочу, хоть и погода благоприятствует. Возьми кого-нибудь в напарники. Обследовать нужно скрытно проволочное заграждение, не приготовила ли немчура там «сюрпризов» – сигнализации или ещё чего-нибудь...

Когда Рогачёв вернулся в свою землянку, там уже был старшина Васнецов. Он распорядился:

– Возьми Сашу Панова, он успел отдохнуть.

Рогачёв и Панов собирались недолго. На плечо ППС* (пистолет-пулемёт Судаева), по два рожка да по паре гранат. Ну и ножи, конечно. Сержант прихватил с собой ещё метровый железный щуп, чтобы проще было мину обнаружить.

Сначала Рогачёв хотел через берёзовый колок подобраться к немецкой колючке, потом подумал, что колок далеко будет от линии противника. Можно спрямить. Возможно это было ошибка. Не достигли разведчики ещё немецкого заграждения, как фрицы их обнаружили и накрыли

огнём. Обстрел был плотным, без укрытия – верная гибель. На их счастье рядом оказалась воронка диаметром метра четыре и глубиной полтора метра.

– Давай сюда, Панов! – сержант

первым сполз в воронку. – Переждём обстрел, потом и подползём к ихней проволоке.

Когда стрельба стихла, Рогачёв кивнул Панову:

– Ну! – и стал выбираться из ямы. Едва высунул голову, как тут же кулём свалился обратно. Опять застучал пулемёт. Рядовой кинулся к сержанту:

– Палыч!

Рогачёв потряс головой.

– Ну, Палыч! Я уж думал убили тебя.

Сержант снял каску, на ней была вмятина.

– Скрикошетила пуля..., – и зло выругался:

– Кроют, суки, как в яблочко. Видать пристреляли, гады, воронку. А мы с тобой как дураки влезли в эту яму.

Немцы, действительно, садили очередями, создавая вокруг огненное кольцо. Это была ловушка.

– Чё делать-то будем, Палыч?

– Чё делать? Думать будем... Дело к ночи. Бог не выдаст, фриц не съест.

В небе потемнело, вместо мокрого снега пошла белая крупа. Рогачёв смотрел, как дно воронки покрывается белой пудрой. Оживился сержант:

– А ну, Сашок, раздевайся!

– Чего ты? – Панов подумал, что Рогачёв шутит.

– «Чаво, чаво»!
Мы с тобой теперь
на белом снеге бу-
дем как два таракана
на белой скатерти.
Переодеваемся. Ис-
поднее, кальсоны –
сверху. А обмундиро-
вание вниз.

Через минуту
они сидели уже в
своём нелепом одянии, ёжась от холода. Намокшее обмун-
дирование неприятно липло к телу.

– Сапоги замаскируй – портянки сверху намотай! Перед
тем как будем вылезать, рубаху воротом на голову натяни...
– продолжал инструктировать Рогачёв. – А сейчас дай-ка
твою каску.

Сержант нацепил каску Панова на щуп и высунул за
край воронки. Раздалась очередь.

– Ну вот..., – Панов подобрал простреленную каску. Он
размахнулся, готовый выбросить её.

– Эй, эй! Положи вниз, – остановил его сержант. – Пусть
думают, что убили.

Ожесточённый огонь продолжался несколько минут.
Как только стих, Рогачёв скомандовал:

– Ну, теперь вперёд!

Их «маскхалаты» сработали. Немецкий пулемётчик
даже не среагировал, потеряв их из виду.

Когда, выполнив задание, они вернулись в расположе-
ние разведроты, все сидевшие в землянке командира по-
катились со смеху, увидев их маскировочные костюмы из
кальсон и нижних рубах.

Только двум разведчикам было не до смеха, они были

skonфужены и ошеломлены. Командир сидел за своим столом, а на столе лежали две каски. Их каски, пробитые пулями! Не смеялся ещё один человек – в углу сидел немецкий фельдфебель, кидавший злобные взгляды...

Когда разведчики помылись, переоделись и согрелись, поужинав кашей с тушёной, старшина Васнецов рассказал в подробностях, что происходило, пока они ползали в темноте у немецкой колючки:

– Мы с командиром на НП были, увидели, что немцы вас огнём накрыли в воронке. Тут старший лейтенант и говорит, выручать надо мужиков, оплошали они малость. Ну, я беру наше отделение, прихватили с собой РПД* (ручной пулёмёт Дегтярёва), и стали заползать от берёзового колка, что справа. Гляжу, а из-за колючки фашисты ползут – пять человек, прямо к воронке, по ваши души стало быть. Ну, думаю, хрен вам, фрицы! Приказываю Сердюкову из пулемёта срезать четверых, когда будут приближаться к воронке, а одного, самого первого – не трогать. На «языка» оставить. А мы наперерез им поползли. Они – к вашей яме, и мы туда же. Только у нас преимущество, мы их видим, они нас – нет, у них всё внимание на воронку. Вот они уже у цели. Тут Сердюков начинает садить из пулемёта короткими очередями. Четверо остались лежать неподвижно. А первый-то, фельдфебель, привстал, чтобы в яму спрыгнуть. Тут я его и «стреножил» из автомата по ногам. Он сразу свалился на дно воронки, и мы туда же, навалились на него, упаковали. Ну, а вас там уже – тю-тю! Не было уже вас в яме. Только две каски пробитые валялись. Ну мы их и прихватили для отчёта командиру. Так что не планировали вы с Пановым, а всё-таки выманили немцев. Как на живца мы языка взяли!

Рогачёв с Васнецовым закурили. Старшина замолчал, задумавшись о чём-то о своём. Рогачёв напомнил:

– Старшина, нам бы с Пановым каски получить...

Васнецов глянул на него сердито, затушил сигарку о каблук сапога:

– Ну что вы с Пановым за охламоны? Кальсоны порвали, каски продырявили! На вас не напасёшься... Отдыхайте пока. После получите две каски, – старшина вышел из землянки.

Рогачёв засмеялся, устроился на лежанку и через минуту уже спал.

СОЛДАТСКОЕ СЧАСТЬЕ

Захватить станцию сходу не получилось. Обескровленный батальон был отброшен и занял позицию в захваченных немецких траншеях первой линии. Контратаковать фрицы не решились, видимо тоже нуждались в подкреплении или поддержке артиллерии.

Фёдор Зуев подсчитывал личные потери. По сравнению с тем, что жив – сущие пустяки: осколок, а может пуля, расщепила приклад ППШ, ватник был порван, на правом сапоге отваливалась подмётка. Обосновались в окопе, стал приводить амуницию в порядок и ждать кухню. Её ждали все. Обманывали голод табачком.

Комбат связывался с КП полка:

– Поддержка нужна, товарищ майор! – кричал в трубку. – Сейчас бы один артналёт, и станция наша. Что толку, закрепляться в чистом поле? Сейчас нас фрицы своей артиллерией обогреют и сами вздумают контратаковать...

Кухни не было. Старшина выдал сухой паёк и по сто граммов «для сугреву». К ночи прибыла миномётная рота – четыре ствола. Разведвзвод «покусал» колючку, сделал дополнительные проходы. Поддержанный миномётным огнём батальон снова атаковал.

Когда добрались до передовой траншеи, Зуев швырнул туда последнюю РГД, взрыв гранаты потонул в общем гуле. Сразу же прыгнул в окоп. Рукопашная схватка была короткой. Патроны кончи-

лись, Федя орудовал автоматом, как дубиной. Столкнулся со здоровенным немцем. И опять чудо: он уже хрипел в объятьях душившего его фашиста, когда у того горло брызнуло кровавым фонтанчиком, и он обмяк.

Это комзвода автоматной очередью в спину продырявил немца. А Федя прихватил его автомат. У своего приклада уже не было.

Когда ворвались на станцию, там всё горело, дымило и взрывалось. Миномётчики поработали. Пленных не брали. Куда их девать? Впрочем, у немцев уже начался кровавый драп. Кто бегом, кто на машинах. Преследовать их никто не собирался. Не было сил. Только миномёты перенесли огонь на дорогу, что подходила к станции от деревни, в направлении которой немцы отступили, растворившись в дымке начавшейся метели.

Федя встретил санитаров, попросил перевязать. Одна пуля из спасительной очереди взводного зацепила и его. Но лучше так, чем остывать в окопе. Из таких «пустячков» и состоит оно – солдатское счастье.

Через полчаса бойцы сидели в кирпичной будке – толь обходчика, толь железнодорожных слесарей. Угощались брошенными гитлеровцами продуктами. Гудела печка. Тепло было рукам и желудку. Все были довольны, улыбались. Феде, как раненому, плеснули двойную норму «наркомовских». Он задремал. Сон был беспокойный – почти сутки в бою. Нервная система никак не хотела успокаиваться.

Во сне он опять воевал. Его душил немецкий солдат.

Он слышал взрывы и крики. Надрывный треск пулемётов. Хлопки гранат. Злые команды своих офицеров, и тут же лающие немецкие. Кто-то его пинал и наступал на ноги.

Когда проснулся, ничего не мог понять. В будке всё перевернуто. Окно разбито, гуляет ветер. В дверь входили его товарищи по взводу с сердитыми лицами. Старшина ругался:

– Вот же ёшь твою в медный котелок! Вставай же, Зуев! Пьяница хренов! Вторую войну воюю, а такое вижу в первый раз, чтобы солдат в плену побывал, из плена освобождился, и при этом даже не проснулся! Больше никаких тебе «наркомовских» до конца войны!

После войны Фёдор Зуев работал на заводе. Заочно выучился на инженера. Когда в анкетах доходил до графы: «Были ли Вы или Ваши ближайшие родственники в плену или в оккупации в период Великой Отечественной войны?», его охватывало некоторое волнение. Он твёрдо писал «нет» и задумывался – а всё-таки, был он в плену или не был?

В такой день вечером он наливал полстакана водки и выпивал. Запретить никто не мог – старшина с войны не вернулся.

СОДЕРЖАНИЕ

Высота Васина

Старая медаль

Секретная атака

Судьба фронтового разведчика

Дуплет минёра Михальченко

Женщины и война

Дивизия «чёрных ножей»

Битва под Прохоровкой

Командир С-13. Легенда флота

Станция Салунь

Письмо из 1942 года

Есть такая профессия

Командир эскадрильи. Прыжок в неизвестность

Один день из жизни Т-34

Подарок разведчиков

Две каски

Солдатское счастье

СЕРГЕЙ КОКОРИН

СОЛДАТСКОЕ СЧАСТЬЕ

Оформление обложки Александра Голубкина
На титульном листе рисунок Пономарева Н.И.

Свёрстано и отпечатано в ООО «Типография Дамми»
г. Курган, пр. Машиностроителей, 13А
тел.: 8 (3522) 255-540, 8 (3522) 255-545
e-mail: sales@dammy.ru
Заказ № ??????. Тираж ???.